

МАРИССА МЕЙЕР

МАРИССА МЕЙЕР

Нессергечная

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
М45

Marissa Meyer
HEARTLESS

Впервые опубликовано Fiewel and Friends,
подразделением Macmillan Children's Publishing Group
Печатается с разрешения литературных агентств
Jill Grinberg Literary Management, LLC
и The Van Lear Agency LLC

Дизайн обложки Екатерины Климовой

Мейер, Марисса.

М45 Бессердечная / Марисса Мейер ; пер. с англ.
Е. Мигуновой. — Москва : Издательство АСТ, 2022. —
544 с. — (*Лунные хроники. М. Мейер. Лучшие романы*).

ISBN 978-5-17-139300-7

Задолго до того как Страна Чудес стала трепетать при одном имени Червонной королевы, жила была девушка, которая мечтала не о власти и богатстве, а о любви. А еще о том, как она откроет небольшую пекарню. Но мать заставила ее выйти замуж по расчету.

История о том, что бывает, когда мечтам не дают осуществиться. И о том, откуда берутся безумные королевы.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-139300-7

Copyright © 2016 by Rampion Books, Inc.
© Е. Мигунова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Маме

*Я представляю себе Червонную Королеву
воплощением безудержной страсти –
нелепой и бессмысленной ярости.*

– Льюис Кэрролл

При соблазнительных лимонных тортов так и подмигивали Кэтрин. Обмотав руки полотенцами, она полезла в духовку и, стараясь не обращать внимания на вырвавшийся оттуда жар, вынула противень. Яркая, как солнышко глазурь подрагивала, будто радуясь освобождению из каменной темницы.

Кэт держала противень благоговейно — так подошло бы держать королевскую корону. Не отрывая глаз от тортов, она осторожно шла вперед и наконец со стуком опустила противень на кухонный стол. Торты вздрогнули в последний раз и замерли, безупречные и сияющие.

Размотав полотенца, Кэт взяла с пергаментных лимонные цукаты и выложила из них розочки, вдавливая каждый лепесток в еще не остывшую серединку тортов. Ароматы лимона и сдобы вились, щекоча ей нос.

Кэтрин отступила на шаг, любуясь своим произведением.

На торты ушло все утро. Целых пять часов она взвешивала масло, сахар и муку, вымешивала, выбивала и раскатывала тесто, взбивала и грела на медленном огне, перетирала яичные желтки с лимонным соком, пока они не стали густыми, маслянистыми и блестящими, как лютики. Полила корочку глазурью и украсила края завитушками, похожими на кружевную салфетку. Прокипятила и засахарила тонкие изогнутые полоски лимонной цедры, а потом долго толкла в ступке сахар,

чтобы получилась тончайшая пудра. Сейчас у нее чесались руки скорее посыпать этой пудрой торты, но Кэт сдерживалась. Сначала их нужно как следует остудить, иначе сахар растает и покроет поверхность неаппетитными лужицами.

В этих произведениях кулинарного искусства воплотилось все, что Кэтрин узнала из потрепанных кулинарных книг с кухонной полки. Она не суетилась и не была небрежной, не упустила ни одной детали, ни одного ингредиента. Делала все тщательно и прилежно. Она вложила в эти торты свою душу.

Кэт осмотрела их, придирчиво, дюйм за дюймом — каждый завиток на корочке, каждую розочку на сияющей глазури, и позволила себе улыбнуться.

Перед ней стояли три идеальных лимонных торта, а значит, скоро все — от птицы додо до самого Короля — узнают, что она лучший кондитер в королевстве. Даже ее матери придется это признать.

Кэтрин чуть не подпрыгивала от волнения и пищала, зажимая рот руками.

— Вы — венец моего торжества! — воскликнула она и широко развела руки, словно посвящала пироги в рыцарство. — Теперь повелеваю вам идти в мир во всем вашем лимонном великолепии и вызывайте улыбки на устах у всех и каждого!

— Снова разговариваете с едой, леди Кэтрин?

— Ах, не просто с какой-то едой, Чеширчик! — Кэтрин, не оборачиваясь, подняла палец. — Позволь представить тебе самые восхитительные лимонные торты, какие только выпекались в славном Червонном королевстве!

Вокруг ее правого плеча обернулся полосатый хвост. На левом появилась пушистая усатая голова.

Чеширский Кот глубокомысленно мурлыкнул, и от гулкого звука по спине Кэтрин прошла дрожь.

— Впечатлен, — сказал Кот. Когда он говорил таким тоном, Кэт вечно сомневалась, не посмеивается ли он над ней. — Но где же тут рыба?

Кэт слизала с пальцев крупинки сахара и помотала головой.

— Рыбы нет.

— Нет рыбы? Какой же тогда в этом смысл?

— Смысл в совершенстве. — У нее каждый раз что-то екало внутри, когда она об этом думала.

Кот исчез с ее плеча и появился на столе, занеся над тортом когтистую лапу. Кэт мигом подскочила и согнала его.

— Не смей! Это для королевского бала!

Чеширский Кот дернул усами.

— Для Короля? Снова?

Скрипнув по полу ножками табурета, Кэт подтащила его поближе к столу и уселась.

— Думаю, ему хватит и одного, а остальными можно украсить пиршественный стол. Ты же знаешь, его величество так радуется, когда я что-то пеку для него. А счастливый король...

— Это счастливое королевство. — Чеширский Кот зевнул, не озаботившись прикрыть пасть лапой, и Кэт, недовольно поморщившись, загородила собой пироги, чтобы дыхание с противным запахом сардин не осквернило их.

— Счастливый король — еще и превосходная рекомендация. Представь только, что будет, если он официально объявит меня поставщиком королевского двора! Да за моими тортами выстроится очередь длиной в милю!

— От них пахнет тортами.

— Ну да, ведь это и есть торты. — Кэт немного развернула их так, чтобы розочки из засахаренной цедры смотрели в одну сторону. Она всегда придирчиво относилась к внешнему виду своих изделий. Мэри-Энн говорила, что пирожные и торты у нее получаются красивее, чем у придворных кондитеров.

А после сегодняшнего вечера ее десерты станут известны не только как самые красивые, а как превосходные *во всех отношениях*. Именно такой оценки им с Мэри-Энн не хватало, чтобы открыть свою кондитерскую. Кэтрин чувствовала: их давняя мечта вот-вот осуществится.

— Разве сейчас сезон лимонов? — спросил Чеширский Кот, глядя, как Кэт собирает остатки лимонной цедры, чтобы отдать садовникам, которые используют ее для борьбы с вредителями.

— Вообще-то нет. — Кэт тихо улыбнулась. В мыслях она вернулась в сегодняшнее утро. Бледный свет, льющийся сквозь кружево занавесок... Аромат цитрусов, от которого она проснулась...

Ей захотелось сберечь воспоминание, спрятать его на груди, как секретик, но Чеширский Кот все равно скоро узнает. Дерево, выросшее в спальне за одну ночь — тайна, которую трудно скрыть. Учитывая чутье Кота на сплетни, Кэт удивлялась, почему до сих пор еще не пошли слухи. Видимо, все утро он был занят — дремал. Или, что более вероятно, позволял служанкам чесать себе животик.

— Они из сна, — призналась Кэт, перенося торты в особый шкаф, где им предстояло остывать дальше.

Чеширский Кот присел.

— Из сна? — его рот растянулся в широкую зубастую улыбку. — Расскажи-ка мне.

— Чтобы к вечеру об этом узнало полкоролевства? Ну, уж нет. Мне снился сон, а когда я проснулась,

оказалось, что в спальне выросло лимонное деревце. А больше тебе знать ничего не нужно.

Кэт решительно захлопнула дверцу шкафа, чтобы поставить точку в разговоре и не допустить дальнейших расспросов. Сказать по правде, сновидение не оставляло ее с того мига, как она проснулась, оно назойливо звенело, дразнило. Кэтрин очень хотелось поговорить о нем — почти так же сильно, как и сохранить его втайне для себя.

Это был туманный, прекрасный сон, и в нем был туманный, прекрасный юноша. Весь в черном, он стоял в саду среди лимонных деревьев, и Кэт была уверена, что у него есть нечто, принадлежащее ей. Она не знала, что именно, но хотела получить это назад. Она пыталась подойти к юноше, но с каждым ее шагом он оказывался все дальше.

Кэт поехала. Ее до сих пор мучило любопытство и хотелось броситься за ним вдогонку.

Но больше всего ей запомнились его глаза. Желтые и блестящие, сладкие и кислые. Глаза яркие, как спелые лимоны, которые вот-вот сорвутся с ветки дерева.

Кэт стяхнула с себя дымку воспоминаний и повернулась к Чеширскому Коту.

— Когда я проснулась, ветка дерева уже успела сломать один кроватный столбик. Конечно, мама велела садовникам убрать его из комнаты, пока оно не наделало больше беды, но несколько лимонов я все же успела сорвать.

— А я-то удивлялся, что за переполох устроили утром. — Хвост кота постукивал по столу. — Ты уверена, что эти лимоны не опасно употреблять в пищу? Если дерево проросло из сна, они могут оказаться, ну, знаешь, *странной* едой.

Кэт повернулась к закрытому шкафу, в глубине которого на проволочной решетке прятались торты.

— Ты боишься, что король станет меньше ростом, если съест кусочек?

Чеширский Кот возмущенно фыркнул.

— Наоборот, я боюсь, что, если я съем кусочек, то стану величиной с дом. Я, знаешь ли, слежу за фигурой.

Хихикнув, Кэт протянула руку через стол и пощекотала Коту подбородок.

— Ты прекрасен, Чеширчик, независимо от размера. А лимоны безопасны. Я попробовала один, прежде чем начала печь.

Она невольно поморщилась, вспоминая кислый вкус.

Чеширский Кот мурлыкал, почти забыв о ней. Не убирая руки от его подбородка, Кэт другой погладила его по животу, и Кот блаженно завалился на бок.

— И даже если ты станешь больше, я найду тебе применение. Всегда мечтала о карете, запряженной котом.

Чеширский Кот приоткрыл один глаз; зрачок-щелочка не смеялся.

— А чтобы заставить тебя бежать, я бы бросала перед тобой клубки шерсти и рыбы косточки.

Кот ненадолго перестал мурлыкать, чтобы ответить:

— Это совсем не так забавно, как вам кажется, леди Пинкертон.

Кэт легонько стукнула его пальцем по носу и отдернула руку.

— Ты мог бы проделывать свой трюк с исчезновением, и все бы думали: «Ах, ах! Только взгляните, как эта величественная круглая голова тянет вдоль по улице карету!»

Теперь Чеширский Кот смотрел на нее обоими глазами.

— Я гордый кот, а не рабочий скот.

Оскорбленно зашипев, он исчез.

— Ну, не злись. Я же просто пошутила!

Кэтрин сняла передник и повесила на крючок в стене. На платье остался силуэт передника, очерченный мукой и кусочками засохшего теста.

— Между прочим, — приплыл к ней кошачий голос, — тебя ищет мать.

— Почему? Я все утро здесь.

— Да, и теперь ты опаздываешь. Поторопись, если не хочешь, чтобы тебя саму превратили в лимонный торт.

— Опаздываю? — Кэтрин недоуменно посмотрела на часы с кукушкой на стене. Был ранний полдень, еще куча времени до...

Вдруг сердце у нее екнуло: из часов доносилось еле слышное посапывание.

— Да что ж это! Кукушка, ты опять спишь?

Кэт хлопнула ладонью по боковой стенке часов. Дверца открылась, оттуда показалась заспанная бурая птичка.

— Ку-ку! — рявкнула Кэт.

Птичка вздрогнула, окончательно проснулась и ошалело захлопала крыльями.

— Боже, боже! — квохтала она, протирая глаза кончиками крыльев. — Который час?

— Это *ты* у меня спрашиваешь, глупая птица? — Кэтрин со стоном отчаяния бросилась из кухни и чуть не столкнулась на лестнице с Мэри-Энн.

— Кэт... леди Кэтрин! Я... там Маркиза...

— Знаю, знаю, бал! Я потеряла счет времени.

Мэри-Энн оглядела ее с головы до пят и схватила за руку.

— Вам нужно срочно умыться и почиститься, пока она не приказала отрубить нам обеим головы.

Проверив сначала, нет ли за углом Маркизы, Мэри-Энн торопливо провела Кэтрин в спальню и захлопнула дверь.

Вторая служанка, Абигайль, уже была там, одетая, как и Мэри-Энн, в скромное черное платье и белый передник. Она размахивала метлой, пытаясь выгнать в распахнутое окно стрекозла. Каждый раз, как она промахивалась, стрекозел начинал бодаться и трясти бородой, а потом взмывал к потолку.

— Вреднящие насекомые! Смерти моей хотят! — простонала Абигайль, вытирая со лба пот. Потом спохватилась, что Кэтрин тоже здесь, и торопливо присела в реверансе.

Кэтрин замерла.

— Абигайль!..

Поздно предупредила. Крошечные копытца процокали прямо по крахмальному чепцу Абигайль, и стрекозел стрелой взлетел вверх.

— Ах ты, гадкий стрекозлице! — взвизгнула Абигайль и снова замахала метлой.

Передернув плечами, Мэри-Энн потащила Кэтрин дальше, в туалетную комнату, и закрыла дверь. Рядом с умывальным тазиком уже стоял наготове кувшин с водой.

— Принимать ванну некогда, но мы ничего не расскажем вашей матушке, — бормотала она, вертя в ру-

ках белое муслиновое платье Кэтрин. Намочив мочалку, Кэт принялась смывать муку с лица. И как только она ухитрилась вымазать даже уши?

— Ты, кажется, сегодня собиралась в город? — спросила она, пока Мэри-Энн стягивала с нее платье и сорочку.

— Я и ходила, но было ужасно скучно. Все только и говорят, что про бал. Вот уж глупости, что в нем интересного? Ведь Король чуть не каждый день устраивает праздники.

Взяв мочалку, Мэри-Энн стала скрести руки Кэт, пока кожа не покраснела, а потом щедро обрызгала розовой водой, чтобы заглушить запахи сдобы и очага.

— Много было разговоров о новом придворном шуте, у которого сегодня дебют. Джек похвалялся, что устроит ему посвящение: украдет шутовской колпак и испортит бубенцы.

— Что за ребяческие выходки!

— Вы правы. Джек ужасно бестолковый. Впрочем, все валеты таковы.

Мэри-Энн помогла Кэт надеть чистую сорочку, усадила на табурет и стала расчесывать ее темные волосы.

— Но кое-что интересное я слышала. Башмачник уходит на покой и собирается к концу месяца продать свою лавку.

Мэри-Энн ловко закрутила волосы, подхватила подносик со шпильками, кое-где коснулась волос воском — и вот уже на затылке у Кэтрин красуется изящный пучок, а лицо обрамляют жизнерадостные локоны.

— Башмачник? С Мэйн-стрит?

— Он самый. — Мэри-Энн повернула Кэт к себе лицом и таинственно зашептала. — Я как об этом услышала, сразу подумала, какое это чудесное место. Для нас.

Кэт широко раскрыла глаза.

— Черви-козыри, а ты права! Совсем рядом с игрушечным магазином...

— И прямо по дороге к той симпатичной белой часовне. Подумать только, какие свадебные торты можно будет печь.

— Ах! А на открытие можно напечь пирогов в виде разноцветных сапог — в честь хозяина, сапожника. Начнем с классики — черничный сапожок, персиковый — но ты только представь, какие открываются возможности. Лавандово-нектариновый, а на другой день бананово-карамельный, посыпанный хрустящими крошками, и...

— Перестаньте! — рассмеялась Мэри-Энн. — Я ведь еще не ужинала.

— Мы должны отправиться туда и все разузнать, ты согласна? Пока другие не узнали!

— Я тоже об этом подумала. Может, завтра? Вот только ваша матушка...

— Скажу ей, что мы идем за новыми лентами. Она и внимания не обратит. — Кэтрин встала на цыпочки. — А когда она узнает о кондитерской, мы объясним ей, что это невероятно выгодное дело, и она не сможет нам отказать.

Широкая улыбка Мэри-Энн заметно потускнела.

— Боюсь, она вряд ли это одобрит. И на выгоду не польстится...

Кэт отмахнулась, хоть и знала, что Мэри-Энн права. Ее мать вообще не одобряла желания своей единственной дочери, наследницы Черепашьей Бухты, заниматься мужским, неприличным для дамы делом. И уж тем более, вместе с жалкой служанкой. Крутиться у плиты, повторяла матушка, подобает только слугам. А особенно ей не нравилась идея Кэтрин потратить приданое на то, чтобы открыть собственное дело.

Однако они с Мэри-Энн мечтали об этом очень давно — вот Кэт иногда и забывала, что мечты еще не сбылись, хотя ее пирожные и десерты были известны во всем королевстве. Король их просто обожал — только это и заставляло матушку скрепя сердце мириться с ее увлечением.

— Ее согласие нам и не нужно, — заявила Кэт, стараясь убедить больше себя, чем Мэри-Энн. У нее все внутри холодело при мысли о том, как разгневается матушка, узнав об их замысле. Чего доброго, еще отречется от дочери... Но все должно обойтись. Кэт очень на это надеялась.

Кэт высоко подняла голову.

— Мы своего добьемся, с одобрения моих родителей или без него. У нас будет лучшая кондитерская в целом Червонном Королевстве. Да что там, сама Белая Королева приедет, когда пойдут слухи о наших роскошных шоколадных тортах и неопишимо нежных слоеных булочках со смородиной.

Мэри-Энн недоверчиво поджала губы.

— Кстати, чуть не забыла, — продолжала Кэт. — В шкафу сейчас остывают три торта. Ты ведь подашь их сегодня вечером? Ах, только сначала нужно посыпать сахарной пудрой! Я оставила пудру на столе. Чуть-чуть, самую малость.

И она показала сколько, сложив пальцы щепоткой.

— Конечно, подам. А какие торты?

— Лимонные.

На лице Мэри-Энн заиграла лукавая усмешка.

— С вашего дерева?

— Так ты уже слышала?

— Я видела, как садовник утром сажал его у вас под окном, и спросила, откуда оно взялось. Ох, и пришлось ему повозиться, чтобы распутать ветки и отцепить их

от вашей кровати! А деревце выглядит свежим, будто и не пострадало совсем.

Кэт сжала руки, не понимая, почему ее так смущают разговоры о деревце из ее сна.

— Хм, да... Лимоны оттуда, и я уверена, что эти торты мне удались как никогда. Уже завтра утром о них заговорит все королевство, и все будут спрашивать, когда же они смогут купить наши десерты.

— Да что вы, Кэт, — аккуратно, чтобы не повредить прическу, Мэри-Энн надела Кэтрин корсет через голову. — Все спрашивают об этом уже с прошлого года, когда вы испекли поджаристое печенье с кленовым сиропом.

Кэт наморщила нос.

— Не напоминай. У меня тогда чуть все не подгорело, помнишь? Края получились слишком хрустящими.

— Вы к себе чересчур строги.

— Я хочу быть лучшей.

Мэри-Энн положила руки на плечи Кэт.

— Вы и так лучшая. И я еще раз прикинула: затраты, стоимость аренды лавки господина Гусеницы, ежемесячные расходы, стоимость продуктов в пересчете на нашу суточную выработку, и цены.

Кэт зажала уши.

— От твоих цифр и математики вся радость уходит. Ты же знаешь, у меня от них голова идет кругом.

Мэри-Энн, фыркнув, подошла к платяному шкафу.

— Вам же не трудно сосчитать, сколько в стакане столовых ложек. Так это почти то же самое.

— Нет, это совсем другое. Потому-то ты мне и нужна в этом деле. Мой изумительный, рассудительный и умный деловой партнер.

Она стояла спиной к Мэри-Энн, но прекрасно представляла, как у той глаза полезли на лоб.

— Где бы это записать, леди Кэтрин? Что ж, я правильно помню, что для бала мы выбрали белое платье?

— Да какое хочешь. — Вся в мыслях об их будущей кондитерской, Кэт вдевала в уши жемчужные сережки.

— Так что же? — спросила Мэри-Энн, выдвигая ящики и доставая из шкафа нижнюю юбку с оборками. Она повернула Кэт спиной, чтобы затянуть шнуры на корсете. — Сон был хороший?

Тут Кэт с удивлением обнаружила у себя под ногтями остатки теста. Вычищая их, она опустила голову, скрывая, что покраснела.

— Ничего особенного, — ответила она, думая о лимонно-желтых глазах.

И ахнула — корсет вдруг резко сдавил ей бока.

— Меня не провести, я всегда вижу, когда вы врете, — заметила Мэри-Энн.

— Ну, ладно, ладно. Да, сон был хороший. Хотя все сны волшебные, не так ли?

— Не знаю. Я пока ни одного не видела. А вот Абигайл как-то рассказывала, будто ей приснился большой сияющий месяц в небесах... а наутро появился Чеширский Кот, и в воздухе повисла его зубастая улыбка. Выпросил блюдечко молока — и вот уже сколько лет мы не можем его спровадить.

Кэт хихикнула.

— Чеширчика я очень люблю, но все же надеюсь, что мой сон сулит что-то поволшебнее Кота.

— А если даже и нет, парочку славных лимонов вы уже получили.

— Верно. И это должно меня радовать.

Но это ее не радовало. Ни чуточки.

— Кэтрин! — дверь отворилась, и в комнату влетела Маркиза, со свекольно-красным, несмотря на толстый слой пудры, лицом и вытарашенными, как площ-

ки, глазами. Всю жизнь матушка Кэтрин пребывала в волнении и суматохе. — Вот ты где, дорогуша! Как, еще даже не одета?!

— Мамочка, Мэри-Энн как раз помогала мне...

— Абигаиль, перестань возиться с метлой, скорее сюда! Нам нужна твоя помощь! Мэри-Энн, что она наденет?

— Миледи, мы думали о белом платье...

— Ни в коем случае! Только красное! Ты будешь в красном платье! — Распахнув дверцы шкафа, Маркиза нырнула внутрь и извлекла пышный наряд из тяжелого алого бархата, с необъятным турнюром и декольте, которое мало что оставляло прикрытым. — Да, превосходно!

— Ах, мамочка, только не это платье. Оно мне... мало!

Маркиза смахнула с кровати глянцевоый темно-зеленый лист и разложила платье поверх покрывала.

— Нет, нет и нет! Это платьице не может быть мало моему золотцу, моей милочке-лапочке! Это особенный вечер, Кэтрин, и ты просто обязана выглядеть наилучшим образом.

Кэт умоляюще посмотрела на Мэри-Энн, но та лишь пожала плечами.

— Но это же просто бал, один из многих. Почему я не могу...

— Ай-ай-ай, не спорь, деточка! — Маркиза подошла к Кэтрин и взяла ее лицо в ладони. Мать Кэтрин хоть и была худой, как птичка, но в том, как она мяла и щипала щеки дочери, не было птичьей легкости и изящества. — Сегодня вечером тебя ждет райское блаженство, красавица моя!

И, странно блеснув глазами, отчего Кэтрин насто-рожилась, Маркиза крикнула:

— А ну, кругом марш!

Подпрыгнув от неожиданности, Кэт покорно повернулась лицом к окну.

Ее мать (Маркизой она стала, выйдя замуж) так действовала на всех. Она, конечно, умела быть и любящей, и душевной, и Маркиз, отец Кэтрин, души в ней не чаял. Но Кэт слишком хорошо знала, как внезапно меняется у нее настроение. Вот она ласково и нежно воркует, а в следующий миг орет во всю глотку. При своем хрупком сложении Маркиза обладала громовым голосом и *особенным* взглядом, от которого сердце даже у льва ушло бы в пятки.

Кэт считала, что привыкла к характеру матери, но даже ее эти частые перепады настроения заставляли врасплох.

— Мэри-Энн, затягивай корсет!

— Но миледи, я только что...

— Туже, Мэри-Энн. Это платье требует талии в двадцать два дюйма. Но я хочу, чтобы сегодня она была утянута до двадцати. К несчастью, Кэт, широкой костью ты пошла в отца, и тебе надо неусыпно следить, чтобы не унаследовать и его комплекцию. Аби-гайль, будь ангелом, принеси рубиновые украшения из моей шкатулки с драгоценностями.

— Рубиновые украшения? — пискнула Кэтрин, пока Мэри-Энн возилась с завязками корсета. — Но эти серьги ужасно тяжелые...

— Не будь такой неженкой. Это только на один вечер. Туже!

Глаза у Кэтрин чуть не вылезли, когда Мэри-Энн затянула корсет. Она выдохнула весь воздух, какой оставался в легких, и, вцепившись в сумочку, моргнула, пытаясь прогнать пляшущие перед глазами искры.

— Мамочка, я так задохнусь!

— Отлично, в другой раз подумаешь, прежде чем брать добавку десерта, как вчера. Или ты объедаешься, как поросенок — или одеваешься, как леди. Было бы чудом, окажись платье впору.

— Я могла бы надеть белое...

Мать скрестила руки на груди.

— Моя дочурка будет сегодня в красном, как настоящая... впрочем, неважно. Придется тебе сегодня обойтись без ужина.

Кэт взвыла — это Мэри-Энн в очередной раз затянула корсет. Целый вечер мучиться спеленатой, как мумия, и так скверно. Но еще и без ужина? Угощение — вот чего Кэтрин всегда ждала от королевских балов, а сегодня за весь день она съела лишь одно вареное яйцо — хлопоты с тортами так ее захватили, что было не до еды.

В животе заурчало.

— Как вы, ничего? — шепотом спросила Мэри-Энн.

Кэт молча кивнула, чтобы не тратить на разговоры драгоценный воздух.

— Платье!

Не успела Кэтрин опомниться, как ее сдавили еще сильнее и впихнули в красное бархатное чудовище. Наконец, служанки закончили, и Кэтрин осмелилась одним глазком взглянуть на себя в зеркало. Это ее утешило: может, она и чувствовала себя как окорок, перетянутый бечевкой, но выглядела совсем не так. На фоне сочного карминно-красного бархата ее губы стали пунцовыми, светлая кожа казалась еще белее, а темные волосы — еще темнее. А когда Абигаиль надела ей на шею массивное рубиновое ожерелье и заменила жемчужинки в ушах на сверкающие серьги, Кэтрин вдруг ощутила себя настоящей светской дамой в ореоле тайны и блеска.

— Сказочно! — Маркиза двумя руками сжала ладонь Кэтрин, растроганно глядя на нее повлажневшими глазами. — Я так рада за тебя, милая.

Кэтрин нахмурилась.

— Ты за меня рада?

— Ах, перестань, не до того сейчас!..

Мать поцокала языком, потрепала Кэт по руке и тут же оттолкнула ее.

Кэтрин снова покосилась на свое отражение. Таинственность быстро улетучилась, и теперь она чувствовала себя незащищенной. Насколько уютнее в удобном, милым домашнем платье, пусть даже и выпачканном мукой.

— Мама, это чересчур. Я одна буду такая... расфуфыренная.

Маркиза фыркнула.

— Вот именно! Ты выглядишь потрясающе! — Она смахнула слезинку. — Просто с ума сойти.

Как ни тяжело было Кэт в оковах корсета, она все же почувствовала в груди горячую искорку. Обычно мать будто забивала ей в голову гвозди: как ты держишь вилку, выпрями спину, улыбайся, *но не так широко!* Она понимала, что мама желает ей добра, но как же приятно хоть раз в виде исключения услышать похвалу.

Мечтательно вздохнув в последний раз, Маркиза сообщила, что должна заглянуть к отцу Кэт, и тут же вылетела из комнаты, прихватив с собой Абигайль. Когда дверь за ней захлопнулась, Кэт хотела только одного — в изнеможении повалиться на кровать, так на нее действовало присутствие матушки. Но она не стала этого делать, боясь, что лопнет какой-нибудь шов на видном месте.

— Я выгляжу так же нелепо, как чувствую себя?

Мэри-Энн замотала головой.

— Вы обворожительны!

— Разве не абсурд — выглядеть обворожительно на обычном глупом балу? Все решат, что я слишком о себе возомнила.

Мэри-Энн сочувственно кивнула.

— Да, немного через край.

— А еще я ужасно хочу есть. — Кэт изогнулась внутри корсета, пытаясь оттянуть жесткую косточку, впившуюся ей в ребра, но у нее ничего не получилось. — Мне нужен шоколад.

— Простите, Кэт, но не думаю, что это платье позволит вам съесть хоть кусочек. Идемте, я помогу вам надеть туфли.

Наверху, гордо приосанившись, стоял церемониймейстер — Белый Кролик. Когда отец Кэтрин протянул ему свою визитную карточку и велел доложить о приезде, он радушно улыбнулся.

— Добрый вечер, добрый вечер, ваше сиятельство! Какой поразительный галстук, как он изумительно идет к вашим волосам. Снежная буря на Лысой горе, так бы я это описал.

— Вы так думаете, господин Кролик? — спросил отец Кэт и даже похлопал себя по голове, польщенный комплиментом.

Кролик перевел взгляд на Маркизу.

— Дражайшая леди Пинкертон! Никогда еще мои глаза не видели подобной красоты, подобной утонченности...

Маркиза довольно резко оборвала его.

— Покончим с этим, распорядитель!

— Э-э, разумеется! Ваш покорный слуга, миледи. — Взволнованный Кролик поднял длинные уши торчком и поднес трубу к губам.

По бальному залу эхом разнеслись фанфары, и Кролик провозгласил:

— Его сиятельство Кабриолет Т. Пинкертон, благороднейший Маркиз Черепашьей Бухты, в сопровождении супруги, леди Идони Пинкертон, Маркизы Черепашьей Бухты, и дочери, леди Кэтрин Пинкертон!

Пока Маркиз и Маркиза спускались по лестнице в зал, Кролик покосился на Кэтрин. При виде ее огромного красного платья его розовые глазки расширились, носик презрительно задергался, но, вовремя спохватившись, Кролик лицемерно улыбнулся.

— Смею заметить, леди Пинкертон, вы выглядите... э-э... весьма и весьма примечательно.

Кэт с трудом улыбнулась в ответ и следом за родителями направилась к лестнице, но, посмотрев на собравшихся, ахнула и попятилась.

Внизу перед ней расстиралось черно-белое море.

Иссиня-черные перчатки до локтя и мундиры оттенка слоновой кости.

Вуалетки цвета испуганной морской звезды и черные, как уголь, галстуки-бабочки.

Лосины в шахматную клетку. Маски, полосатые, как зебра. Юбки цвета воронова крыла, отделанные стразами и серебряной канителью. Кое-кто из бубновых придворных даже нашил на живот черные пики, чтобы скрыть собственные значки — красные ромбы.

Примечательно, точнее не скажешь.

В толпе встречались-таки искорки красного — алая роза в петлице или бантик на корсаже платья — но только Кэтрин была в красном с головы до пят. Она почувствовала, как шею и уши заливают волна румянца — больше, больше красного, как будто платья недостаточно. Она ловила устремленные на нее взгляды, слышала сдержанные вздохи, чувствовала общее недоумение и неприязнь. Как вышло, что матушка не знала, что это один из черно-белых королевских балов?

И тут она поняла...

Матушка знала. Взглянув на ее колышущееся белое платье и белый фрак отца, Кэт догадалась, что мать все прекрасно знала и ничего не забыла.

Фанфары снова прогремели прямо над ухом. Белый Кролик, подойдя к ней, деликатно кашлянул.

— Я сгораю от стыда за то, что вынужден поторопить вас, леди Пинкертон, но следующие гости ждут своей очереди быть объявленными...

Кэт обернулась и увидела образовавшуюся очередь — гости толпились позади, одни посматривали на нее украдкой, другие откровенно тарасились.

Сдерживая рвущийся наружу ужас, Кэтрин приподняла юбку и храбро двинулась навстречу пингвино-енотовой толпе.

В незапамятные времена бальный зал Червоного замка был высечен из исполинских размеров кристалла розового кварца — и пол, и перила, и монументальные колонны, поддерживающие сводчатую крышу. Потолок был украшен живописными панно с различными видами Червоного королевства: Безвыходный лес, горы Кой-Куды и Никуды, Перекрестья, замок и холмистая местность, простирающаяся во все стороны до горизонта. Даже Черепашья Бухта удостоилась быть изображенной над дверью, ведущей в розовый сад.

По южной стене тянулись в ряд большие окна в форме сердец из граненого красного стекла. Пиршественный стол, ломившийся от фруктов, сыров и сладостей, стоял вдоль северной стены, у самой балюстрады, отделявшей танцующих от оркестра. С потолка свисали хрустальные люстры, и тысячи белых свечей изливали на собравшихся теплый свет. Еще не сойдя с лестницы, Кэтрин слышала, что некоторые свечки жалуются на сквозняк, а самые горячие головы среди них умоляют кого-нибудь прикрыть двери.

Кэтрин посмотрела на стол — островок утешения в переполненном зале, даже для той, кому из-за тесного платья не придется отведать ни кусочка. Каж-

дый шаг давался ей с боем — сражаться приходилось с впивавшимся в ребра корсетом и волочившимся по ступеням длинным шлейфом. Ощувив, наконец, под каблуками надежный каменный пол, Кэт вздохнула с облегчением.

— Дражайшая леди Кэтрин, я так рада, что вы почтили нас своим присутствием.

Благодарность тут же испарилась. Кто бы сомневался — Маргарет спикировала на нее сразу, не дав сделать и пары шагов в сторону угощения.

Кэтрин изобразила на лице восторг.

— О, да это же леди Маргарет! Как поживаешь, дорогая?

Маргарет Дроздобород, дочь графа Перекрестий, считалась ближайшей подругой Кэтрин с самого раннего детства. Но, к сожалению, они друг друга недолюбливали.

Беда Маргарет заключалась в том, что она была на редкость непривлекательна. Не так, как невзрачная гусеница, которая вот-вот превратится в прекрасную бабочку. Ее непривлекательность была другого сорта — из тех, что вызывают у окружающих чувство безнадежности. Острый подбородок выдавался вперед, в тени нависших густых бровей скрывались близко посаженные глазки размером с булавочную головку, плечи были широкие и грубые, а нескладно сидящая одежда лишь подчеркивала это. Если бы не платья, которые носила Маргарет, ее, пожалуй, можно было бы принять за мальчишку.

Непривлекательного мальчишку.

У матушки Кэт физические недостатки Маргарет были любимой темой для разговоров («Она бы выглядела не так кошмарно, если бы потуже затягивала корсет»). Сама же Кэтрин находила куда более неприят-

ным характер Маргарет — та с раннего детства считала себя очень, *очень* умной и очень, *очень* добродетельной. Самой умной и самой добродетельной в мире. И без устали напоминала о том, насколько она умнее и добродетельнее вас.

Маргарет, любящая подруга, видела свое предназначение в том, чтобы указывать Кэтрин на ее недостатки. В надежде ее исправить. Как поступил бы любовью настоящий друг.

— У меня все отлично, — сказала Маргарет, когда они обменялись любезностями. — Но должна донести до твоего сведения, что платье на тебе неуместно красное.

— Благодарю за то, что открыла мне глаза. — С лица Кэтрин не сходила ослепительная улыбка. — Я и сама это заметила.

Маргарет обеспокоенно нахмурилась и прищурила крохотные глазки.

— Должна предупредить тебя, дражайшая Кэтрин, что дерзкие попытки привлечь к себе внимание небезопасны! Непомерные гордыня и тщеславие могут пышным цветом расцвести в твоём сердце. Куда разумнее облачиться в скромный наряд и позволить просиять внутренней красоте, чем пытаться скрыть ее внешним блеском.

— Благодарю тебя за совет. Я непременно его обдумаю. — Кэт удержалась, чтобы не бросить выразительный взгляд на платье самой Маргарет, унылое и черное, и на венчавшую ее голову унылую меховую шапочку.

— Очень надеюсь! И не забывай: золотая рыбка всегда остается золотой рыбкой.

Кэт слегка усмехнулась. Одна из очаровательных особенностей Маргарет состояла в том, что она была

настоящим кладезем высказываний, в которых Кэт не могла найти ни малейшего смысла. Невозможно было разобраться, то ли все нравоучения Маргарет — полная чепуха, то ли Кэт слишком глупа, чтобы их понять. Маргарет, разумеется, сказала бы, что верно последнее.

Но Кэт не собиралась ее спрашивать.

— О. А ведь верно, — согласилась она, поглядывая на других гостей в надежде, что найдет предлог отделаться от Маргарет, пока та не разговорилась. Если ее понесет, улизнуть уже не удастся.

Неподалеку, рядом с ледяной скульптурой в форме сердца, пили наливку сэр Сорока и его супруга, но подойти к ним Кэтрин не решалась — возможно, это только выдумки, но рядом с Сороками драгоценности порой исчезали самым таинственным образом.

Отец Кэт развлекал разговорами Четверку, Семерку и Восьмерку Бубен. Когда Кэт их заметила, отец почти добрался до соли в своей шутке, но Четверка, не дожидаясь развязки, уже повалился на плоскую спину, хохоча и дрыгая в воздухе ногами. Поняв, что сам он ничем не поднимется, Восьмерка поспешил на помощь, все еще посмеиваясь.

Кэтрин вздохнула — она не владела искусством так легко впадать в раж от анекдота, рассказанного не до конца.

Рядом с ними она увидела благороднейшего Пигмалиона Свинорыла, герцога Клыкании, которого Кэт всегда считала неуклюжим, чванливым и к тому же прескверным собеседником. Их взгляды вдруг встретились, и Кэтрин с удивлением поняла, что Герцог издали наблюдал за ними с Маргарет.

Трудно было сказать, кто из них отвел глаза более поспешно.

— Вы кого-то ищете, леди Кэтрин? — Маргарет придвинулась на дюйм ближе — чересчур близко, так что ее острый подбородок улегся Кэтрин на плечо — и проследила за ее взглядом.

— Нет, нет. Я просто... наблюдала.

— Наблюдали за кем?

— Ну, хорошо. Мундир на герцоге сидит просто превосходно, вы не находите? — спросила она светским тоном, отодвигаясь от подбородка Маргарет.

Маргарет возмущенно сморщила нос.

— Как вам только удалось заметить его мундир? Когда я смотрю на герцога, то вижу лишь, как он ворочает нос от всех окружающих, как будто быть герцогом Клыкании — такое уж великое достижение.

Кэт склонила голову.

— Мне кажется, такой нос у него от природы. — Она прижала палец к собственному носу и приподняла полувывшийся пятачок кверху, проверяя свою мысль. Однако это не помогло ей *унюхать* собственную исключительность...

Маргарет побледнела.

— Кэтрин, стыдитесь. Нельзя же вот так передразнивать всех и каждого! По крайней мере, делайте это не на людях.

— Что вы! У меня и в мыслях не было никого обижать. Просто у герцога нос рыльцем, только и всего. Наверное, у него великолепное обоняние. Интересно, может ли он таким носом унюхать трюфели?

Кэт продолжала бы оправдываться, но тут кто-то постучал ее по плечу.

Повернувшись, она уткнулась в черную тунику, за которой скрывалась могучая грудь. Подняв глаза выше, Кэт увидела мрачную физиономию с повязкой

на одном глазу и копной волос, торчащих из-под белого берета.

Перед ней стоял Джек, Червонный валет, произведенный в рыцари из жалости — он лишился глаза во время игры в шарады.

Настроение у нее испортилось окончательно. Бал был просто ужасным, и с самого начала не задался.

— Привет, Джек.

— Леди Пинкертон, — проревел Джек, обдав ее запахом вина с пряностями. Затем его глаз устремился на Маргарет: — Леди Дроздобород.

Маргарет скрестила руки на груди.

— Какая вопиющая бестактность — прерывать чужую беседу, Джек.

— Я подошел, чтобы сообщить леди Пинкертон, что сегодня черно-белый бал.

Кэт потупила глаза и постаралась придать лицу смиренное выражение, хотя с каждым новым напоминанием она все меньше смущалась и все больше раздражалась.

— Очевидно, произошло недоразумение.

— Вы выглядите по-дурацки, — заявил Джек.

Кэтрин ощетибилась.

— Это не повод грубить!

Джек хмыкнул и снова оглядел ее платье, а потом продолжил:

— Вы и вполонину не так хороши, как воображаете, леди Пинкертон. Не хороши даже на четвертушку. И мне не нужен второй глаз, чтобы это видеть.

— Уверяю вас, я вовсе не...

— Все думают, как я, только не решаются сказать вам в это лицо. Но я вас ни капли не боюсь.

— Я никогда не...

— Вы мне вообще не нравитесь.

Стиснув зубы, Кэтрин терпеливо вздохнула.

— Да, я помню, Джек. Вы уже говорили об этом в прошлый раз. И в позапрошлый тоже. И еще до того. Вы не устаете напоминать, до чего я вам не нравлюсь, с тех самых пор, как нам было по шесть лет, и мы плясали вокруг майского дерева, если я не ошибаюсь.

— Да. Точно. Потому что это правда. — Джек густо покраснел. — И еще вы пахнете, как ромашка. Бывают, знаете, такие противные ромашки, с вонючими цветками.

— Разумеется, какие же еще, — кивнула Кэтрин. — Боже избави, я и не подумала, что это комплимент.

Джек зарычал, потом протянул руку и дернул Кэт за локон.

— Ой!

Валет развернулся и ушел. Кэтрин не успела придумать ответ, а потом очень жалела, что не проводила его хорошим пинком.

— Вот чурбан! — заметила Маргарет после его ухода.

— Самый настоящий, — с чувством согласилась Кэтрин, потирая голову и пытаясь понять, сколько времени она уже здесь и сколько еще осталось.

— И, конечно, — продолжала Маргарет, — абсолютно недостойно с вашей стороны поощрять подобное поведение.

— Я его не поощряла! — возмутилась Кэтрин.

— Вы так думаете? Тогда вы должны согласиться с тем, что согласиться с этим нельзя, — заявила Маргарет. — А мораль...

Но она не успела сморозить очередную глупость, потому что в зале снова прозвучали фанфары. Стоя на верхней ступеньке лестницы, Белый Кролик торжественно прогнусавил:

— ЕГО СИЯТЕЛЬНОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ЧЕРВОННЫЙ КОРОЛЬ!

Белый Кролик снова затрубил, потом прижал трубу к боку и поклонился. Кэт обернулась, чтобы посмотреть на остальных гостей, когда Король появился на верхней площадке своей личной лестницы. Вся шахматная доска из черно-белых аристократов пошла рябью от поклонов и реверансов.

Король был при полном параде — в белой меховой мантии, панталонах в черную и белую полосу, сверкающих белых туфлях с алмазными пряжками, в руке он держал скипетр, увенчанный алым сердцем. Надо всем этим красовалась корона, тоже украшенная рубинами, бриллиантами и красным бархатом, с навершием в виде сердца.

Наряд был бы сногшибательным, вот только мех на воротнике слегка вытерся, панталоны пузырились на коленях, а корона, которая всегда казалась Кэтрин слишком тяжелой для маленькой головы Короля, съехала на сторону. В довершение всего, когда Кэтрин, сделав реверанс, встала, его величество ухмыльнулся, как деревенский простачок.

Король так улыбался. И улыбался он ей!

Кэтрин застыла, а Король проворно скатился вниз по ступеням. Толпа расступилась, пропуская его, и не успела Кэтрин отойти в сторонку, как Король уже стоял перед ней.

— Неплохой вечерок, леди Пинкертон! — Король приподнялся на цыпочках, от чего его малый рост только сильнее бросался в глаза. Он был по меньшей мере на два ладони ниже Кэтрин, а ведь поговаривали, что у его сшитых по особому заказу башмаков подошвы толщиной в два дюйма.

— Добрый вечер, Ваше Величество. Как поживаете? — Кэт снова склонилась в реверансе.

Белый Кролик — он следовал за Королем по пятам — прочистил горло.

— Его Королевское Величество просит леди Кэтрин Пинкертон танцевать с ним первую кадрили.

Кэт округлила глаза.

— Ах... благодарю, Ваше Величество! — и Кэтрин низко присела в третий раз. Она привыкла подкреплять реверансами все, что говорила в присутствии Короля. Не потому, что боялась его. Совсем наоборот. Король, старше ее лет на пятнадцать, был кругленьким, розовощеким и постоянно хихикал. Кэтрин совсем его не боялась, и как раз поэтому старалась вести себя при нем как можно лучше — чтобы ненароком не забыть, что он ее монарх и властитель.

Червонный Король сунул Белому Кролику скипетр, взял Кэтрин за руку и повел на площадку для танцев. Кэт могла бы сказать себе, что оказаться подальше от Маргарет — это благо, но общество Короля радовало ее немногим больше.

Нет, неправда. Король был очень мил. И прост. И, что особенно важно, *счастлив*, ведь счастливый король — это счастливое королевство.

Просто он был не очень умен.

Когда они заняли место первой пары среди танцующих, Кэт обомлела от неожиданной мысли. Она танцует с Королем. Все глаза устремлены на них, и каждый, наверное, думает, что она выбрала платье специально, чтобы Король обратил на нее внимание.

— Вы прелестно выглядите, леди Пинкертон, — сказал Король. Обращался он скорее к ее бюсту, чем к лицу — по причине небольшого роста, конечно, а не от недостатка воспитания, но это не помешало Кэтрин зардеться.

Почему, ну почему она хоть раз не пошла против воли матери?

— Благодарю, Ваше Величество, — пробормотала она упавшим голосом.

— Я просто в восторге от красного цвета, — сообщил ей Король.

— Ах... кто же его не любит, Ваше Величество?

Он радостно захихикал, и Кэтрин порадовалась, что заиграла музыка, и танцоры начали выписывать первую фигуру. Они с королем разошлись в разные стороны и прошагали вдоль внешней линии пар — слишком далеко друг от друга, чтобы поддерживать разговор. Кэтрин чувствовала, что корсет ползет вверх, и прижимала ладони к бокам, пытаясь удержать его на месте.

— Чудесный бал, — заметила она, вновь оказавшись рядом с Королем и взявшись с ним за руки. У Короля они были мягкими и влажными.

— Вы так думаете? — просиял он. — Мне всегда нравились черно-белые балы. Они такие... такие...

— Бесцветные? — предположила Кэтрин.

— Да! — монарх мечтательно вздохнул, глядя на нее. — Вы просто угадываете мои мысли, леди Пинкертон.

Кэт отвернулась.

Они поднырнули под поднятые руки следующей пары и разомкнули свои, чтобы покружиться вокруг мистера и миссис Барсук.

— Я должен спросить, — начал Король, когда они снова оказались рядом, — Не смею надеяться, но вдруг... совершенно случайно... вы приготовили какое-нибудь лакомство к сегодняшнему вечеру?

Он не сводил с нее глаз, закрученные усики трепетали в надежде.

Кэтрин радостно улыбнулась, и они подняли руки, чтобы следующая пара могла поднырнуть под них. Кэт знала, что Королю приходится привставать на цыпочки, но из приличия не смотрела вниз.

— Ваше Величество, утром я испекла три лимонных торта, и моя служанка уже должна была доставить их к вашему пиршественному столу. Полагаю, они уже поданы.

Король просиял и стал крутить головой, пытаясь увидеть что-нибудь на длинном столе. Увы, они были слишком далеко, чтобы разглядеть три маленьких тортика.

— Сказочно! — Король отстал, пропустив несколько па, так что Кэтрин пришлось замереть в неловкой позе и ждать, когда он ее нагонит.

— Надеюсь, они вам понравятся.

Король потряс головой, как будто очнувшись.

— Леди Пинкертон, вы сокровище.

Кэт сдержала улыбку, но мечтательность в королевском голосе ее смутила.

— Должен признаться, что питаю особую слабость к лимонным тортам... и к апельсиновым! — У Короля заколыхались щеки. — Обожаю апельсины-корольки! Недаром говорят: королек — ключ к сердцу короля.

Кэт никогда не слышала, чтобы так говорили, но кивнула, соглашаясь.

— Так оно и есть!

Король одарил ее сияющей улыбкой.

К концу кадрили Кэтрин чуть не падала от усилий казаться веселой и любезной. Наконец, к ее облегчению, Король чмокнул воздух возле ее руки и поблагодарил за доставленное удовольствие.

— Я должен разыскать ваши вкуснейшие торты, леди Пинкертон, но, надеюсь, вы не откажетесь протанцевать со мной и заключительный танец?

— С удовольствием. Почту за честь.

Король восторженно захихикал, поправил корону и, пританцовывая, направился к столу.

Кэт выдохнула — счастье, что первая кадриль позади. Может, удастся уговорить родителей уйти домой до заключительного танца. Собственное коварство заставило ее почувствовать себя виноватой — множество девушек мечтали бы обратить на себя благосклонное внимание Короля.

Он не был противным партнером по танцам — просто утомительным.

Решив, что свежий воздух поможет ее щекам вернуть прежнюю форму после того, как она столько времени улыбалась без остановки, Кэт начала пробираться сквозь толпу черных кринолинов и белых остроконечных шляп к балкону. Но не успела она сделать и дюжины шагов, как свечи в люстрах и канделябрах мигнули и погасли.

Музыка взвизгнула и стихла. В темноте, накрывшей зал, раздались крики гостей. Потом воцарилась тревожная тишина, слышались только ахи и вздохи, да шуршание юбок. Вдруг что-то вспыхнуло, замерцало. Свечи стали снова загораться, постепенно, по спирали от самой центральной люстры. И вот под высоким сводом потолка засиял призрачный свет, оставляя гостей в глубокой тени.

С центральной освещенной люстры вниз свисал огромный обруч — Кэтрин могла поклясться, что раньше его там не было. В обруче, непринужденно раскинувшись, как в кресле, покачивался шут.

Черные узкие штаны заправлены в кожаные сапоги, черная куртка перетянута широким ремнем. Были и перчатки — тоже черные, а не белые, как у придворных. В мерцании свечей его кожа отливала янтарем, а глаза были подведены углем, до того густо, что лицо походило на маску. Сначала Кэт показалось, что и волосы у него черные, но она тут же разглядела на его голове шутовской колпак — с тремя рогами и маленькими серебряными бубенчиками на конце каждого рога. Шут сидел так неподвижно, что бубенцы ни разу не звякнули, да и в темноте, когда погасли свечи, Кэтрин не слышала их перезвона.

Когда — как — он туда попал?

Незнакомец повисел молча еще некоторое время, позволяя себя рассмотреть. Обруч медленно вращался. У шута был пронзительный взгляд, и Кэтрин затаила дыхание, когда этот взгляд отыскал ее и задержался на ней. Сузив глаза, шут разглядывал огненно-красное платье.

Кэт поежилась, но вдруг ей захотелось помахать ему рукой. Подтверждая: да-да, она знает, что этот наряд *непозволительно* красен. Она уже почти подняла руку, но шут отвернулся.

Кэт с облегчением выдохнула и опустила руку.

Обруч совершил полный круг, и уголки губ незнакомца приподнялись в едва заметной улыбке. Он склонил голову. Бубенцы зазвенели.

Толпа, не сводившая с него глаз, тихо вздохнула.

— Дамы. Господа. — Он говорил очень четко. — Ваше славнейшее Величество.

Король привстал на цыпочки, как ребенок в ожидании подарка.

Шут начал раскачиваться. Одно неуправляемое движение, и он уже стоит в полный рост. Обруч лениво повернулся еще на пол-оборота. Все молчали, замороженные поскрипыванием привязанной к люстре веревки.

— Чем ворон похож на письменный стол?

Обруч перестал вращаться.

Своим вопросом шут накрыл зал, словно одеялом. Молчание можно было потрогать. Незнакомец вновь смотрел прямо на Кэтрин, и ей казалось, что она различает в его глазах отблеск огня.

Наконец, сообразив, что им загадали загадку, гости начали перешептываться. Приглушенные голоса повторяли вопрос. *Чем ворон похож на письменный стол?*

Никто не решался ответить.

Когда стало ясно, что никто и не попытается, шут протянул к гостям руку, сжатую в кулак. Те, кто стоял прямо под ним, расступились.

— Нотами. Один может издать несколько нот, за другим ноты пишут.

Он разжал кулак, и целая вьюга исписанных белых листков посыпалась прямо вниз. Толпа дружно ахнула, замахала руками, но листки не долетели до низу. Прямо в воздухе от них отделилась стайка крохотных черных галочек — нотных знаков. Белые листочки, кружась, слетали вниз, превращаясь в конфетти, а ноты вспорхнули к потолку и облепили его. Гости уже совершенно успокоились и шумно восхищались. Некоторые мужчины даже принялись размахивать шляпами, пытаясь наловить побольше листочков.

Кэтрин, радостно смеясь, подняла лицо к потолку. Ей показалось, что она попала в снежную метель — только теплую. Она раскинула руки и стала кружиться. Красная юбка раздувалась, и это ей тоже очень нравилось.

Описав три полных круга, Кэт остановилась и, проведя по волосам, достала конфетти — белый листочек не больше ногтя, с изображенным на ней красным сердечком.

Последние конфетти оседали на пол. Кое-где в зале их набралось по щиколотку.

Шут по-прежнему смотрел на всех сверху, из своего обруча. Во время суматохи он снял трехрогий колпак, выпустив на волю встрепанные вьющиеся волосы (он действительно оказался брюнетом).

— Впрочем, замечу, — сказал он, когда толпа утихнула, — ноты частенько бывают фальшивыми.

Бубенцы на колпаке весело тренькнули, и вдруг, откуда ни возмись, из него вылетела громадная чер-

ная птица. Каркая, ворон стал подниматься к потолку. Зрители от неожиданности закричали. Ворон облетел зал, взмахами огромных крыльев поднимая с пола вороха конфетти. Сделав еще круг, птица уселась на обруч над шутом.

Публика восторженно заплодировала. Ошеломленная Кэтрин почти не замечала, что тоже хлопает в ладоши.

Снова натянув колпак на голову, шут соскочил с обруча и повис на одной руке. У Кэт оборвалось сердце. Обруч висит так высоко, вдруг он упадет? Однако когда шут отпустил руку, оказалось, что к обручу привязан красный бархатный шарф. Шут закачался на нем и стал спускаться, выбрасывая поочередно белые и черные шарфы, связанные между собой. Казалось, они возникают у него прямо из кончиков пальцев. Наконец, он спустился настолько, что смог спрыгнуть в сугроб из бумажных листочков.

Стоило его сапогам коснуться пола, как в зале зажегся свет — свечи передавали пламя по цепочке до тех пор, пока все кругом снова не засверкало.

Зрители вновь принялись хлопать. Шут склонился в поклоне.

А когда выпрямился, в руках у него был берет цвета слоновой кости, украшенный серебряной тесьмой. Шут крутил берет на пальце.

— Прошу меня простить, не потерял ли кто шляпу? — спросил он, перекрывая овалы.

После короткого общего замешательства раздался оскорбленный рев.

Посреди зала стоял Джек, запустив руки в свою всклокоченную шевелюру. Поднялся смех, а Кэтрин припомнила слова Мэри-Энн о том, что Джек собирается стянуть колпак у шута.

— Примите самые искренние извинения, — лукаво улыбаясь, продолжал шут. — Прошу, получите ваш берет. Понятия не имею, как он у меня оказался.

Джек напролом лез сквозь смеющуюся толпу, и его физиономия багровела.

Но стоило ему протянуть руку, как шут отдернул свою и перевернул берет.

— Но подождите — кажется, внутри что-то есть. Сюрприз? Подарок? — он зажмурил один глаз и заглянул внутрь шляпы. — Ух ты, да там безбилетник!

Шут запустил руку в берет. Рука скрылась там почти целиком — она ушла намного глубже, чем позволяла глубина берета, — а затем показалась снова, сжимая в кулаке два длинных мохнатых уха.

Толпа подалась вперед.

— Ах, мои усики, ах, мои ушки, — приговаривал шут. — До чего банально. Знай я, что там всего-навсего кролик, оставил бы его там. Но теперь уж ничего не попишешь, придется...

Уши, за которые потянул шут, принадлежали не кому-нибудь, а самому Белому Кролику, придворному церемониймейстеру. Отфыркиваясь, Кролик возмущенно тарачил на толпу розовые глазки, словно не мог взять в толк, как это он в разгар бала оказался в чем-то берете.

Чтобы сдержать неподобающее леди фыркание, Кэтрин зажала рот обеими руками.

— Боже... никогда еще я... — забормотал Кролик, нервно стуча задней лапой, когда Шут поставил его на пол. Вызволив уши из кулака, он расправил камзол и чихнул. — Какая дерзость! Я доложу его величеству об этом ужасном и неподобающем проявлении неуважения!

Шут отвесил ему поклон.

— Приношу искренние извинения, почтенный Кролик. Я совершенно не хотел оскорбить вас. Позвольте мне загладить вину, вручив вам подарок в знак примирения. Уверен, что здесь найдется кое-что...

Джек снова попытался вырвать у шута свой берет, но шут небрежно отдернул руку в сторону и потряс беретом у себя над ухом.

— Ага. То, что нужно. — Снова запустив руку в берет, он извлек оттуда чудесные карманные часы на цепочке. С эффектным поклоном шут преподнес часы Белому Кролику. — Умоляю принять. Обратите внимание, на них уже установлено правильное время.

Господин Кролик фыркнул, однако, заметив, как сверкнули брильянты на крышке часов, проворно выхватил их у шута.

— Хм... ладно. Будем считать... поглядим... а часы *и впрямь* недурны... — Кролик покусал цепочку большими передними зубами и, вероятно, удостоверившись, что это чистое золото, спрятал часы в карман. Прежде чем смешаться с толпой, он все же бросил на Шута укоризненный взгляд.

— Получите, господин валет, Проворнейший-из-Проворных, — и шут протянул Джеку берет. Тот выхватил его и тут же надел.

— Может, вам такое нравится, но... — снова заговорил шут, подняв палец.

У Джека вдруг округлились глаза, и он поспешно сдернул многострадальный головной убор. Оказалось, на макушке у него горящая свеча в серебряном подсвечнике. Пламя успело прожечь в берете большую дыру.

— Что такое, я пыталась уснуть! — возмущенно закричала свеча.

— Прошу прощения! — Шут протянул руку и, снимая кожаной перчатки, двумя пальцами погасил огонек. Над головой валега закурился дымок, у него начал подергиваться уголок глаза. — Странно. Я-то думал, что это *вы* собираетесь перепрыгнуть через свечу, но сегодня все кувыркком, все вверх ногами.

Гости хохотали до колик, сгибались пополам от смеха и даже не слышали, как каркнул ворон — птица слетела с люстры и спикировала вниз. Кэтрин попятилась, когда ворон, едва не задев ее крылом, подлетел к шуту. Тот даже не поморщился, когда ворон острыми когтями впился ему в плечо.

— А теперь мы хотим пожелать всем вам спокойной ночи и дать напоследок добрый совет! — С этими словами шут направил свой колпак на публику. — Всегда проверяйте шляпу, прежде чем надеть ее на голову. Никогда не знаешь, что может оказаться внутри.

Бубенцы зазвенели, когда шут, выпрямившись, обвел взглядом собравшихся.

Кэтрин вздрогнула, когда он повернулся и *подмигнул* ей?

Легче было подумать, что это ей показалось.

Шут едва заметно улыбнулся, а потом, прямо у Кэт на глазах, растворился в облаке чернильной тьмы. В мгновение ока он превратился в крылатую тень — второго ворона.

Огромные птицы подлетели к окну и были таковы.

Все только и говорили, что о новом придворном шуте. Забыли даже про танцы — ведь гости обнаружили, что на конфетти изображены не только алые сердечки — на некоторых были синие бубновые ромбы, красные пики или черные крестики, трефы. На других красовался силуэт ворона. Кроме того имелись корона, скипетр, трехрогий шутовской колпачок. Кое-кто бросился собирать полную коллекцию, разыскивая картинки, которых у них еще не было.

Смешливый Король радовался больше всех — Кэтрин и не помнила его таким веселым. Его пронзительный голос был слышен даже издали. Король снова и снова требовал от гостей подтверждения, что ничего более поразительного они в жизни не видывали.

У Кэтрин так бурчало в животе, что косточки корсета ходили ходуном. Представление так ее увлекло, что на время она забыла и о пыточном платье, и о голоде. Теперь она старалась незаметно поправить тугой корсет, одновременно подбираясь к угощению. У стола Кэт обнаружила Мэри-Энн, которая раскладывала на блюде трюфели. Долговязая, с соломенными волосами, выбившимися из-под чепца, она выделялась на фоне остальных служанок.

Увидев Кэтрин, Мэри-Энн пригнулась и притворилась, будто расправляет складки на скатерти.

— Как вам представление? — шепнула она.

Пальцы Кэт сами собой потянулись к блюдам с едой.

— Я думала, придворные шуты умеют только сквернословить, да смеяться над Королем.

— Интересно, какие еще фокусы он припас в рукаве... Точнее, в берете? — Мэри-Энн подхватила поднос и присела в реверансе. — Желаете трюфель, миледи?

— Ты же знаешь, мне нельзя.

— Тогда просто сделайте вид, что размышляете, чтобы я могла задержаться подольше. Королевские служанки то и дело гоняют нас, помощниц, на кухню за добавкой, и если я еще хоть раз там окажусь, наверняка растаю от жары. А я уверена, здесь и так всего вдоволь, и гостям этого предостаточно, и даже слишком. Ужасная расточительность!

Кэтрин сцепила пальцы.

— Они с карамелью?

— Насколько я знаю, да.

— Как ты думаешь, а что если шоколадный трюфель присыпать сверху морской солью? Самую чуточку?

Мэри-Энн неодобрительно наморщила нос.

— Если так, можно его и в перце обвалить.

— Просто в голову пришло. — Кэтрин прикусила верхнюю губу, пожирая глазами конфеты. Конечно же, морская соль, Мэри-Энн просто не понимает. Кладовая в Черепашьей Бухте всегда ломилась от таких конфет — море там совсем рядом, вот Кэт однажды и решила провести эксперимент. Подсоленное горячее какао ей неожиданно понравилось. И трюфелям это тоже не повредит. Капелька соли оттенит их сладость, а легкий хруст кристалликов поспорит с тягучей карамелью... о, непременно надо испечь подсоленный карамельно-шоколадный торт. Он станет одним из фирменных блюд в их кондитерской!

Желудок вновь напомнил о себе урчанием.

— Кэт?

— А?

— По-моему, у вас вот потекут слюнки, и мне это не нравится — на платье могут остаться пятна!

Кэт застонала.

— Что же делать? Я умираю от голода! — и она обхватила себя руками.

Мэри-Энн сочувственно сдвинула брови, но тут же заулыбалась.

— И все-таки платье выбрано очень удачно. Вы танцевали в первой паре с самим Королем!

Кэтрин удалось подавить новый приступ урчания. Какой смысл жаловаться по поводу кадрили с Королем — ведь это сущая ерунда по сравнению необходимостью таскать тяжеленные подносы в кухонном пекле.

У другого конца стола она заметила тучную фигуру и заинтересовалась:

— Это еще кто?

Мэри-Энн взглянула украдкой и подвинулась поближе к Кэтрин.

— Его зовут Питер Питер¹, а крошка рядом с ним — это его жена. Ее имени я не расслышала.

— Крошка? Ах...

Жена, о которой говорила Мэри-Энн, оказалась совсем малышкой, почти незаметной рядом с огромным супругом. Спина у нее была сгорблена — не от возраста, подумала Кэт, скорее, от тяжелых трудов — а по обе

---

¹ Питер, любитель тыквы — герой одного из стихотворений сборника «Сказки Матушки Гусыни»:

Питер Питер жениться решил,
Женой обзавелся, а дом не купил.
В тыкву жену поселил он тогда:
Очень удобно — и дом, и еда.

Здесь и далее прим. переводчика.

стороны бледного, как бумага, личика свешивались пряди светлых волос. Вообще, вид у нее был больной. Она прижимала руку к животу и даже не смотрела в сторону стола. Лицо у нее блестело от пота.

А вот ее муж был настоящей громадиной. Он вышался над всеми, и даже осанистый отец Кэт рядом ним показался бы карликом. Черный костюм для верховой езды сидел на нем в обтяжку, и на особо выдающихся местах ткань чуть не лопалась. Кэтрин заподозрила, что при быстрой ходьбе многие швы не выдержат напора. Сердито набычившись, Питер поглядывал вокруг из-под шапки рыжих курчавых волос, которым не помешали бы мыло и расческа.

Казалось, им с супругой было совсем не весело на королевском балу.

— Кто же они такие? — шепотом спросила Кэтрин.

— Сэр Питер — владелец тыквенного поля где-то за Лесом Никуды. Поваренок на кухне шепнул, что дворянство ему пожаловали всего полмесяца назад в награду за то, что жена победила в состязании по поеданию тыкв. Насколько я знаю, Джек занял второе место и постоянно требует реванша. — Мэри-Энн хмыкнула. — Вот бы мне кто пожаловал дворянство за то, сколько я ем.

Кэтрин тихо засмеялась. Глядя на фигуру Мэри-Энн, никто бы не догадался, что у нее такой же завидный аппетит, как у самой Кэт. Несколько лет назад, когда Мэри-Энн взяли к ним в служанки, они потому и сблизились, что обе любили хорошо поесть.

Над ними нависла тень, и смешок Кэтрин застрял у нее в горле. К подносу Мэри-Энн протянулись толстые пальцы.

— Что это тут?

Мэри-Энн пискнула, Кэтрин зарделась, но сэр Питер, не достаивая их вниманием, принялся рассматривать конфеты. Может, он и слышал, как о нем судачили, но не подал виду.

— Это, э-э-э, карамельные трюфели, сэр, — пролепетала Мэри-Энн.

— Несолёные, — уточнила Кэт, — К сожалению.

Вблизи она разглядела каждый волосок на подбородке сэра Питера и грязь у него под ногтями — видно, новоиспеченный дворянин был так занят возней на тыквенной грядке, что не удосужился помыться перед своим первым королевским балом.

— Сэр Питер, если не ошибаюсь? — запинаясь, пробормотала Кэтрин. — Я до сих не имела удовольствия с вами познакомиться.

Прищурив крохотные глазки, Питер черным от грязи пальцем подцепил с подноса трюфель и отправил в рот. Кэтрин моргнула.

Мэри-Энн, потупив глаза, хотела отойти от стола.

— Умф, м-м-м, обожди!

Мэри-Энн замерла на месте.

Сэр Питер, перемазанный шоколадом, глядел на поднос.

— Хочу еще таких. Это ж все дармовое? Как там — комплимент от Короля?..

Мэри-Энн сделала реверанс.

— Конечно, сэр. Угощайтесь! Берите, сколько хотите. Может быть, принести вам еще чего-нибудь?

— Не надо. — Он нацелился на очередной трюфель и проглотил его, не жуя.

Леди Питер, спрятавшись в тени супруга, смотрела, как трюфели исчезают в его пасти. Побледнев так, что стала казалась зеленой, она нерешительно посмотрела на Мэри-Энн.

— Нет ли у вас пирожков с тыквой? — пробормотала она еле слышно. — Вчера мы продали королевскому повару несколько тыкв и слышали, что он собирает печь пирожки для бала, но я не вижу...

— Никакой тыквы, хватит с тебя! — грозно зарычал на нее муж, брызгая слюной на поднос с трюфелями. (Кэт и Мэри-Энн поморщились.) — Ты и так уж ею объелась.

Леди Питер стушеввалась.

Набравшись храбрости, Кэт встала между Питером и трюфелями:

— Мэри-Энн, ты непременно должна угостить этими конфетами Валета. Он так любит карамель.

С благодарностью посмотрев на нее, Мэри-Энн быстренько унесла поднос.

Кэтрин присела.

— Я Кэтрин Пинкертон, дочь Маркиза Черепашьей Бухты. Я слышала, вам недавно пожаловано дворянство?

Кусты рыжих бровей подозрительно нахмурились.

— Возможно.

— А это, должно быть, ваша супруга? Очень приятно познакомиться с вами, леди Питер.

Женщина испуганно втянула голову в плечи. Ни поклона, ни улыбки — она только съежилась и продолжала рассматривать яства, хотя Кэт заметила, что при виде еды странная дама сдерживала отрыжку.

Кэтрин не знала, что и подумать.

— С вами все в порядке, леди Питер? Кажется, вы побледнели? Здесь так жарко! Если позволите, я могла бы проводить вас на балкон...

— Все у ей хорошо! — отрывисто рявкнул сэр Питер. — Просто слишком уж нажимает на тыкву, будто не знает, что оно ей боком выйдет.

— Понятно, — сказала Кэтрин, хотя ничего не поняла. — Поздравляю с победой на конкурсе, леди Питер. Вы, вероятно, съели много. Я и сама обожаю тыквенные пироги.

Питер на мгновение отвлекся, ковыряя ногтем в зубах, и Кэтрин охватило странное чувство, что он прикидывает, как бы приготовить и съесть *ее*.

— Она ест сырую, — заявил Питер с гордостью. — Едали вы когда-нить сырую тыкву, леди... *Пинкертон?*

— Сомневаюсь, чтобы мне приходилось. — Кэт пекла тыквенные пироги, а как-то раз приготовила тыквенный мусс, но волокнистая мякоть и скользкие семечки не вызывали у нее аппетита. Заглянув за спину сэра Питера, она обратилась к его супруге. — Понимаю, от такого лакомства можно занемочь. Жаль, что из-за нездоровья вы не можете отведать угощений с королевского стола.

Подняв на нее глаза, леди Питер жалобно застонала и снова уронила голову. Казалось, она того и гляди лишится чувств среди праздничного великолепия.

— Может быть, вы хотите присесть? — предложила Кэтрин.

Слабым голоском леди Питер ответила:

— Вы уверены, что нигде поблизости нет ни одного пирожка с тыквой? Мне бы хоть один, и сразу стало бы куда легче...

— Видите? Не о чем с ей толковать, — вмешался сэр Питер. — Глупа, как долбленая тыква.

Его жена зябко ежась, обхватила себя руками.

Кэтрин охватил гнев. Она живо представила себе, как толстяк давится карамельным трюфелем, а они с женой стоят и хохочут над ним. Мечтать ей помешали бубновые Девятка и Десятка, которые расталкивая всех, пробирались к столу.

— Извините, простите, — бормоча извинения, Десятка тянулся к сочному медовому инжиру.

Кэт шагнула в сторону, освобождая ему место.

— Они что, всегда такие дерзкие? — сэр Питер сверлил взглядом спину придворного.

Десятка обернулся к нему, улыбаясь во весь рот, и приветственно поднял бокал вина.

— Вовсе нет, — ответил он. — Прежде мы дерзили куда больше.

Кэт чуть не сгорела от стыда. Придворные тут же сбежали, оставив красного от возмущения Питера. Кэт заставила себя улыбнуться.

— Придворные иногда бывают чван... высокомерны. С незнакомцами. Уверена, у него и в мыслях не было ничего дурного.

— А мне сдается, что было, — буркнул Питер. — И сдается, что не у его одного.

Он долго с подозрением рассматривал ее, потом, наконец, поднял ручищу и коснулся шляпы.

— Мое почтение, *миледи*.

Это был первый вежливый жест с его стороны. Поверить, что он на него способен, было примерно так же просто, как поверить, что герцог Клыкании умеет летать.

Сэр Питер подхватил под руку жену и потащил прочь. Кэтрин их уход ничуть не огорчил.

Кэт даже позволила себе вздох облегчения. Она и так с трудом дышала в корсете, а от общения с сэром Питером и вовсе чуть не задохнулась.

— Благодарю, очень приятно.

— Он здесь, как белая ворона, не находишь?

Обернувшись, Кэт обнаружила, что в воздухе парит серебряное блюдо с аппетитными поджаристыми пирожками.

— Привет, Чеширчик! — Кэтрин обрадовалась, что хоть один собеседник за весь вечер не будет раздражать ее и выводить из себя. Впрочем, Чеширский Кот тоже умел это делать, на свой лад. — Ты тоже приглашен?

— Вряд ли.

Перед ней появился Кот. Он развалился на собственном полосатом хвосте, изогнутом в форме стула, а блюдо пристроил себе на живот. Последней стала видна голова — уши, усы, нос и, наконец, широкий зубастый рот.

— Ты выглядишь нелепо, — мурлыкнул Чеширский Кот, подцепив когтями пирожок и отправляя его в гигантскую пасть. Оттуда вырвалось облачко ароматного пара — от Кота пахло сладким тыквенным пюре.

— Платье — это матушкина затея, — объяснила Кэтрин и попыталась вдохнуть как можно глубже. У нее начинала кружиться голова. — Кстати, пирожки слу-

чайно не с тыквой? Леди Питер про них спрашивала. Пахнут чудесно.

— Да, именно они. Я бы предложил тебе один, но не хочу.

— Это очень невежливо. А раз у тебя нет приглашения, советую поставить блюдо на место и снова исчезнуть, пока никто не заметил.

Кот беззаботно заурчал.

— Я просто думал, что тебе будет интересно узнать... — он сладко зевнул, — что как раз сейчас Валет крадет твои торты.

— Как? — Кэт выпрямилась, оглядела стол, но Джека поблизости не было видно. Она нахмурилась.

А когда повернулась к Коту, он уже запихивал за щеку последние пирожки с подноса.

Закатив глаза, Кэтрин подождала, пока он все прожует и проглотит. Кот справился с этой задачей поразительно быстро и начал ковырять когтем в зубах.

— А что такого? — продолжил он. — Ты не ждала, надеюсь, что торты доживут до конца вечера?

Тут Кэт заметила, наконец, знакомый противень, у самого края стола. От ее лимонных тортов остались только крошки, три пустых круга в ореоле сахарной пудры, да несколько капель желтой глазури.

Увидеть противень пустым было горько, но приятно — как съесть дольку темного шоколада. Кэтрин всегда радовало, что ее десерты приходятся по вкусу, но в этом случае, после сна и лимонного дерева... ей хотелось и самой отведать хоть маленький кусочек.

У нее вырвался вздох огорчения.

— Ты-то хоть попробовал, Чеширчик?

Кот издал неопределенный звук.

— Я съел целый торт, дорогуша. Устоять было невозможно.

Кэт только руками всплеснула.

— Не кот, а откормленный поросенок.

— Фи, как вульгарно! — Кот изогнулся в воздухе, перевернулся, словно плавающее в океане бревно, и исчез, прихватив опустевшее блюдо.

— Что ты, собственно, имеешь против поросят? — сказала Кэт пустому пространству. — Если хочешь знать мое мнение, маленькие поросята почти такие же милые, как котята.

— Лучше уж я притворюсь, что этого не слышал.

Кэт резко повернулась на голос. Кот снова нарисовался, по другую сторону стола. Точнее, только голова и одна лапа, которую он начал вылизывать.

— Хотя лорд Свинорыл наверняка разделит бы твои чувства, — добавил он.

— Ты не знаешь, его величеству удалось попробовать торт?

— О да. Я наблюдал, как он стащил ломтик, а потом и второй, а там и третий — пока вы с Мэри-Энн развлекались, обсуждая тыквоеда. — Кот говорил, а его тело постепенно появлялось в воздухе. — Стыд и позор вам, сплетницы.

Кэтрин удивленно вздернула брови. Кот и сам был отъявленным сплетником. Отчасти по этой причине ей так нравилось с ним беседовать, хотя было и немного страшновато: не хотелось самой попасть ему на язычок.

— С чего ты набросился на нас, как злая собака?

— По-прежнему кошка, дорогуша, не злая и даже, возможно, та, что приносит удачу.

— Возможно, ты не черная кошка, — согласилась Кэтрин и наклонила голову, присматриваясь. — Но ты как-то изменился. Хоть и не целиком, но все же... отчасти ты вдруг стал рыжим, как тыква.

Скосив глаза к носу, Чеширский Кот поднес к ним внезапно порыжевший хвост.

— Действительно. И что же, ты считаешь, оранжевый — мой цвет?

— Тебе идет, хотя и не сочетается с цветами этой вечеринки. Хорошенькую пару мы с тобой сегодня составляем.

— Догадываюсь, что во всем виноваты тыквенные пирожки. Досадно, что они были не рыбными.

— А ты хотел бы стать рыбного цвета?

— Почему бы и нет — например, цвета радужной форели. В следующий раз, когда будешь что-то печь, добавь рыбы. Я бы не отказался от тортика с треской.

— Не боишься треснуть, когда будешь его трескать?

Кот проигнорировал насмешку.

— Кстати, ты слышала последние сплетни?

— Последние? — Кэтрин порылась в памяти. — О том, что господин Гусеница собирается продать ма-стерскую?

Голова Кота перевернулась вверх тормашками.

— Отстаешь от жизни. Я спрашивал о слухах про нового шута. Королевского шута.

Кэт наострила уши.

— Нет. Я ничего о нем не слышала.

— Вот и я тоже.

Кэт насупилась.

— Котик, тогда это не слухи, а их полная противоположность.

— Напротив. Я понятия не имею о том, кто он и откуда взялся. И это очень странно. — Кот лизнул лапу и помыл за ушами, а Кэтрин подумала, что умыться рядом с едой не очень-то вежливо. — Говорят, три дня назад он явился к дворцовым воротам и попросил аудиенции у Короля. Показал парочку фокусов — вроде

бы перетасовал колоду бубновых придворных и попросил его величество вытянуть одну карту из колоды... Я в этом не очень разбираюсь и не запомнил подробности. Но его взяли на службу.

Кэтрин вспомнила шута, взирающего на всех сверху с серебряного обруча — как будто он ждал, что гости Короля будут развлекать его, а не наоборот. Он выглядел таким спокойным. Раньше у Кэт не возникало вопросов, но теперь любопытство Кота передалось и ей. Червонное королевство было совсем небольшим. Откуда же он взялся?

— А другие слухи слышала? — продолжал Чеширский Кот.

— Не знаю, что и сказать. Какие еще другие слухи?

Кот перекатился на живот и уткнулся мордой в пушистые лапы.

— Его наипрекраснейшее величество выбрал невесту.

Кэтрин широко открыла глаза.

— Да быть не может! И кто же она?

Кэт осмотрела зал. Это, конечно же, не Маргарет. Может, леди Адела из поместья Нога-за-Ногу или леди Верба с Песчаных холмов, или...

Или...

Она вдруг икнула.

По рукам и ногам побежали огромные мурашки.

Бешеная активность ее матери.

Первая кадриль.

Взволнованная улыбка Короля.

Кэтрин в ужасе повернулась к Коту. Его широчайшая улыбка показалась ей слегка издевательской.

— Ты шутишь? Этого не может быть.

— Разве? — Кот задумчиво посмотрел на люстру. — Я-то был уверен, что уж *пошутить-то* могу, во всяком случае.

— Чеширчик, это не смешно. Король не может... я не могу...

Прозвучали фанфары, эхом отражаясь от розовых кварцевых стен.

Голова у Кэтрин пошла кругом.

— Ой, нет.

— Ой, да.

— Котик! Почему ты мне раньше не сказал?

— Дамы и господа, — закричал Белый Кролик, писклявый голосок которого был слабо слышен после фанфар. — Его Королевское Величество желает сделать объявление.

— Следует ли мне тебя поздравить? — спросил Кот. — Или ты полагаешь, что преждевременные поздравления сулят беду? Вечно я забываю, как принято поступать в подобных случаях.

Кэтрин обдало жаром с головы до пят. Ей показалось, что кто-то еще туже затянул корсет, дышать стало совсем трудно.

— Я не хочу. Чеширчик, я не хочу!

— Ты можешь отрепетировать и другие варианты ответа, пока стоишь здесь.

Толпа заплодировала. На верхнюю площадку лестницы вышел Король. Кэтрин завертела головой, пытаясь отыскать родителей, а когда увидела мать, сияющую и смахивающую с ресниц слезинки, происходящее перестало казаться ей сном.

Червонный Король собирается просить ее руки.

Но... Но Король не может так поступить. Он никогда даже не говорил с ней ни о чем, только хвалил ее торты и приглашал на танец. Он за ней не ухаживал... впрочем, должны ли короли ухаживать? Этого Кэт не знала. Знала только, что внутри у нее все завязалось тройным узлом и еще — что думать о замужестве ей рано. Ей и в голову не

приходило, что этот глуповатый человек может хотеть от нее чего-то большего, чем булочки и пирожные. Конечно, не брака или... о, боже, *детей*.

Сзади ей на шею упала капля пота.

— Котик, что мне делать?

— Сказать «да», я полагаю. Или сказать «нет». Мне неважно, что это будет. Ты уверена, что оранжевый мне идет?

И он снова стал рассматривать хвост.

Отчаяние когтистой лапой схватило Кэтрин за горло.

Король. Простодушный, чудаковатый, радостный, *счастливый* Король.

Ей муж? Ее единственный? Ее спутник в жизненных испытаниях, в горе и радости?

Она станет королевой, а королевы... королевы не открывают кондитерские на паях с закадычными подругами. Королевы не сплетничают с наполовину невидимыми котами. Королевам не снятся желтоглазые юноши, а проснувшись они не находят у себя в спальне лимонные деревья.

Горло у Кэт пересохло, как черствый кекс.

Король откашлялся.

— Добрый вечер, мои верноподданные! Я надеюсь, всем вам понравились сегодняшние развлечения!

Снова раздались овации, и Король тоже несколько раз хлопнул в ладоши и поклонился.

— Я желаю выступить с заявлением. Хорошим заявлением, волноваться вам не о чем. — Король захихикал, как будто это была шутка. — Пришло время мне подыскать себе супругу, а для моих верноподданных... обожаемую Червонную Королеву! А если... — Тут Король снова рассыпался смешками. — А если нам улыбнется удача, то у Короля появится наследник.

Кэтрин стала бочком отходить от стола. Она не чувствовала собственных ног.

— Чеширчик!

— Да, леди Кэтрин?

— Большая честь для меня, — продолжал Король, — назвать имя той, кого я избрал в спутницы жизни.

— Умоляю, — прошептала Кэтрин, — отвледи его. Как угодно!

Кот дернул хвостом и пропал. Остался только его голос, промурлыкавший: «С радостью, леди Кэтрин».

Король широко развел руки.

— Не согласится ли прелестнейшая, очаровательная и изумительная леди Кэ...

— А-а-а-а!

Толпа вздрогнула и обернулась на крик. Маргарет Дроздобород, продолжая пронзительно вопить, пыталась согнать ярко-рыжего Кота, свернувшегося уютным калачиком у нее на макушке, под меховой шапочкой.

Только одна Кэтрин повернулась в другую сторону.

Она бросилась к балкону со всех ног, насколько позволяли каблуки и сдавливающий грудь корсет. Прохладный ночной ветерок приятно освежал ее разгоряченные щеки, но дышать было очень трудно.

Кэт подобрала юбки и побежала вниз по ступенькам, ведущим в розовый сад. Сзади донесся звон разбитого стекла и крики, и она на бегу с благодарностью подумала о Коте, устроившем весь этот переполох, но не решилась оглянуться, даже когда оказалась в саду.

Мир куда-то кренился. Кэт подбежала к кованым железным воротам и без сил привалилась к какой-то завитушке. Немного отдышавшись, она побрела дальше. Вниз по поросшей клевером дорожке между увитыми розами беседками и капельными фонтанами. Еще дальше, мимо фигурно подстриженных кустов,

статуй и пруда с водяными лилиями. Кэт потянулась к спинке платья, пытаясь ослабить тесемки. Дышать... Но не смогла дотянуться. Она задыхалась.

Сейчас ей станет плохо.

Она упадет в обморок.

Впереди мелькнула тень, черная на фоне залитого огнями замка, над полем для игры в крокет навис силуэт. Кэтрин закричала и остановилась. Влажные волосы прилипли к шее.

Тень человека в капюшоне поглотила ее. Кэтрин в ужасе смотрела, как тень поднимает громадный топор, заносит над головой изогнутое лезвие...

Дрожая всем телом, Кэтрин оглянулась. Темная фигура нависла над ней, закрыв небо. Она вскинула руки, защищаясь.

Каркнул ворон, пролетев так близко, что она почувствовала ветерок от его крыльев.

— Что с вами?

Ахнув, Кэтрин уронила руки. С отчаянно бьющимся сердцем она вглядывалась в ветви высокого, как дерево, розового куста, усыпанные белыми цветами.

Не сразу, но ей все же удалось рассмотреть его. Шут непринужденно сидел на низко висящей ветке, с серебряной флейтой в руках. Если он и играл на ней, Кэтрин все равно бы не заметила, ей было совсем не до музыки.

Кэт хлопала ресницами. Волосы выбилась из пучка, рассыпались по плечам. Щеки горели. Мир вращался как бешеный — вокруг нее кружились лимонные торты, невидимые коты, изогнутые топоры...

Шут наклонился к ней, нахмутив брови.

— Миледи?

Мир накренился еще сильнее и погрузился во тьму.

— Прекрасная дева сквозь мрак полуночный
брела, совсем ослабела, бледна и печаль-
на была, — прозвучал из темноты низкий
скорбный голос.

— Недурно пропето, друг мой, — раздался другой
голос, не такой мрачный. — Так что же, ты уверен, что
у нас здесь нет ароматической соли?

— Знать не знаю про какую-то соль, но в плане
твоем я ошибку нашел: чтоб эту девицу нам оживить,
должны мы ее поскорей намочить.

Что-то тяжело шмякнулось на землю возле локтя Кэ-
трин, вслед за этим раздался тихий плеск льющейся воды.

— Нет, Ворон, обливать ее водой из ведра мы не бу-
дем. Думай еще. Нет ли у нас бутерброда с ветчиной?
Или охалки сена? Королю это обычно помогает.

Шорохи, шуршание, лязг и стук.

Вздых.

— А впрочем, не имеет значения. Мы воспользуем-
ся вот этим.

Зашуршала листва, потом хрустнула ветка. Кэтрин
почувствовала, как что-то мягкое пощекотало ей кон-
чик носа.

Она отвернулась и уловила слабый аромат розы.

— Ага, сработало.

Кэт сморщила нос. Глаза открылись сами собой. Она увидела мрак и какие-то тени. Голова была как свинцом налита, мысли путались.

— Привет, — заговорила одна тень, при ближайшем рассмотрении оказавшаяся придворным шутом. Он отнял от ее лица розу с нежными лепестками. — Все хорошо?

— Никогда, — прокаркал Ворон, сидевший на краю жестяного ведра.

— Не груби, — строго одернул его шут.

— Я просто уточнил, за что тут упрекать — а глупые вопросы не стоит задавать. *Все* хорошо не может быть, это невозможно. На то, что *что-то* хорошо, надейся осторожно.

— Все правильно, — сказал шут. — Ты мне грубишь.

Ворон недовольно издал что-то вроде курлыкканья. Расправив широкие крылья, он взлетел и уселся на верхнюю ветку большого розового куста.

Шут снова повернулся к Кэтрин. Еще раньше он снял трехрогий колпак, и его взлохмаченные черные волосы торчали во все стороны. От света фонаря у него в глазах, густо обведенных черным, прыгали золотистые искорки. Шут улыбался ей, и это была дружеская, приветливая улыбка, от которой все его лицо осветилось, а в уголках глаз появились веселые морщинки. Сердце пыталось выскочить у Кэт из груди. Во время представления ее заворожила магия, повеселили озорные шутки, но тогда она не заметила, что шут еще и очень хорош собой.

— Я рад, что роза помогла, — обратился он к ней, вертя в пальцах цветок. — Что-то мне подсказывает, что наша встреча приняла бы другой характер, прибегни мы к обливанию водой.

Глядя на тени, пробегающие по лицу шута, Кэт молча моргала, не находя в себе сил даже на ответную улыбку. Дело было не в свете фонаря. Глаза шута в самом деле оказались золотыми. Цвета подсолнухов и лютиков, цвета спелых лимонов, растущих на согнутых под их тяжестью ветках.

Она широко раскрыла глаза.

— *Вы!*

— Я, — согласился шут. Он наклонил голову набок и снова нахмурился. — Позволю себе спросить со всей серьезностью, леди, с вами... — Заминка. — *в основном все скорее неплохо?*

Она снова почувствовала какое-то стеснение в груди, как во сне — в том сне, когда она понимала, что что-то ей принадлежит и надо это поймать, если только она хочет вернуть это себе.

— Миледи? — Отложив розу, шут коснулся ее лба тыльной стороной ладони. — Вы слышите меня? О, да у вас жар.

Мир снова завертелся вокруг нее, но теперь это было очень приятное вращение, из-за которого оставалось время.

— Похоже, вы больны, нужно вызвать Рыбу-хирурга...

— Нет, не надо. У меня все прекрасно. — Слова получались тягучие и норовили склеиться друг с другом, а пальцы дрожали, но ей все же удалось схватить шута за руку, которую тот не успел отдернуть. Он замер в нерешительности.

— Вот только я не чувствую ног, — помолчав, призналась Кэт.

Шут скривил угол рта.

— Не все хорошо, стало быть. Только не говорите Ворону, что он оказался прав, а то эта птица до утра не успокоится.

Он посмотрел вниз.

— Я почти уверен, что ноги все еще при вас, хоть они и скрыты под ужасающим количеством ткани. Если хотите, я пощупаю, там ли они.

Он говорил совершенно серьезно и искренне, с невинным выражением лица.

Кэтрин рассмеялась.

— Очень великодушное предложение, но я сейчас исследую этот вопрос сама, благодарю вас. Не можете ли мне помочь?

Она продолжала сжимать его пальцы, и шут другой рукой помог ей сесть, придерживая за плечи. Кэт заметила колпак, лежащий рядом на траве, и еще кучу какого-то хлама, валяющегося вокруг. Стеклянные шарики, заводная обезьянка, носовые платки, пустая чернильница, пуговицы разного цвета и размера, двухколесный велосипед, серебряная флейта...

Топнув разок-другой, Кэт убедилась, что ноги и в самом деле при ней. Пальцы начало покалывать.

— У вас ледяные руки. — Шут взял ее руки в свои и стал растирать ей пальцы, двигаясь от костяшек к основанию большого пальца и к запястью. — Надо восстановить ток крови, и вам сразу станет лучше.

Кэт рассматривала шута, его спутанные волнистые волосы, нос. Он сидел на траве, скрестив ноги и склонившись над ее рукой. Его прикосновения были какими-то невероятно близкими, даже *тесными* по сравнению с привычными ей мимолетными и благопристойными касаниями рук во время вальса или кадрили.

— Вы доктор? — спросила она.

Подняв голову, он снова улыбнулся обезоруживающей улыбкой.

— Я шут, миледи, а это даже лучше.

— Почему же шут лучше доктора?

— Разве вы не слышали, что смех — лучшее лекарство?
Она помотала головой.

— Если так, почему бы вам не повеселить меня какой-нибудь шуткой?

— Как угодно миледи. Что есть у шута и кота, чего нет у ворона и короля?

— И что же это?

— Буква Т.

Кэтрин и сама не ожидала, что так рассмеется, да еще и хрюкнет самым неподобающим для леди образом — из-за этого над ней частенько подтрунивала Мэри-Энн. В смущении она вырвала руку у шута и прикрыла нос.

Обрадованный шут просиял.

— Быть не может! Настоящая, живая леди, которая так смеется! Я был уверен, что это выдумка, нечто вроде мифологических существ. Умоляю, сделайте так еще раз!

— Ни за что! — пискнула она, покраснев до ушей. — Перестаньте. Шутка вообще-то была совсем не смешная, просто я сейчас немного не в форме.

Шут сделал серьезное лицо, но глаза все равно смеялись.

— У меня и в мыслях не было вас обидеть. Для человека моего ремесла такой смех дороже золота. Теперь я буду из кожи лезть, лишь бы услышать этот звук еще хоть разок. А лучше каждый день. Нет — дважды в день, и еще хоть бы раз перед завтраком. Королевский шут должен ставить перед собой высокие цели.

Кэтрин ничего не понимала. Дважды в день? И один раз перед завтраком?

На щеках у нее снова выступил румянец.

Заметив это, шут со смиренным видом выпустил ее руку.

— Вы же... ведь это вы и есть, правда?

Кэт смотрела на него и в его глазах видела лимонное дерево, за одну ночь выросшее у нее в спальне, успевшее оплести ветвями балдахин и дать спелые, сочные плоды.

— Я и есть?

— Будущая Червонная Королева?

Ее щекочущее веселье улетучилось с одним болезненным вздохом.

— Простите?

— О, вам не за что просить прощения! — В его глазах мелькнуло сомнение, он нахмурился. — Возможно, извиниться следует мне? Я не хотел опережать события. Просто Король намеревался сегодня на балу просить руки своей избранницы, и... глядя на ваше платье, я предположил...

Кэтрин опустила глаза. Юбка окружала ее ярко-красным удушливым кошмаром.

— Он не говорил, у какой именно девушки собирается просить руки?

— Нет, миледи. Я знаю лишь, что она дочь лорда, хотя это едва ли намного сужает круг. — Шут откинулся назад, опираясь на ладони. — А от чего вы так стремительно убегали?

— Убегала? — Кэт удалось изобразить довольно правдоподобную улыбку. — Я просто хотела подышать свежим воздухом. В такие теплые вечера в бальном зале бывает довольно душно.

Шут с озабоченным видом уставился на траву.

— Король еще не сделал объявления, когда вы вышли?

— Ничего об этом не слышала.

Она вздрогнула, стыдясь того, что приходится лгать. Что произошло в зале? Назвал ли Король ее имя? Вдруг ее ищут?

Кэт оглянулась на замок и удивилась тому, как далеко она сумела убежать. Сейчас ей казалось, что сад растянулся на несколько миль, а окна бального зала мерцали где-то вдали. Она вспомнила, что слышала какой-то шум, и испугалась, не пострадал ли Чеширский Кот.

Шут задумчиво поскреб затылок.

— Тогда возможно, что это все-таки вы. Наверное, я должен проводить вас обратно...

— Нет! Не надо, — Кэт принужденно засмеялась. — Я совершенно уверена, что Король выбрал какую-то другую девушку. Его величество никогда не проявлял ко мне особого интереса.

— Трудно поверить.

— Но это правда. — Она покашляла. — У меня необычный вопрос, господин... шут...

— Джокер. Меня зовут Джокер... миледи.

— О! Я — Кэтрин Пинкертон.

— Бесконечно рад нашему знакомству, леди Пинкертон. Что за вопрос вы хотели задать?

Кэт взбила платье — необъятный красный купол — вокруг ног, чтобы занять руки хоть чем-то, потому что они начинали неметь и дрожать.

— Мы с вами прежде встречались?

— До сегодняшнего вечера? — Джокер взялся за подбородок. — Маловероятно.

— Вот и я так думаю.

— Я показался вам знакомым? — На его щеках снова появились ямочки.

— В некотором смысле. Очень странном. Я уверена, что видела вас во сне.

Он поднял брови.

— Меня?

— Странно, не правда ли?

— Весьма. — Какое коварное, неуловимое слово. Шут как будто был обескуражен, но быстро справился с собой, как и прежде на балу, когда впервые заметил ее красное платье посреди черно-белого моря. Маска самоуверенности соскользнула, но лишь на миг. — Быть может, мы узнаем друг друга в будущем, а ваш сон был только воспоминанием наоборот.

Кэтрин подумала над этими словами.

— Итак? — продолжал он.

Она растерянно моргнула.

— Что — итак?

— Сон был хорошим?

— Ах... — Кэтрин сжала губы, вспоминая, но тут же поняла, что Джокер ее испытывает, и нахмурилась. — Откровенно говоря, мне он показался довольно скучным.

— Хм, вы сердитесь. Что ж, вы и не должны быть Милой. Вы ведь уже сказали, что вас зовут Кэтрин.

Он мягко и необидно засмеялся.

— Я вижу, воспоминание об этом сне вернуло краску на ваши щеки. Когда вы упали в обморок, то побледнели, как белая голубка. Прошу простить Ворона за то, что напугал вас.

Кэтрин вспомнила тень, протершуюся над лужайкой в саду, фигуру в капюшоне, которая занесла у нее над головой топор, и вздрогнула.

— Нет, это был не Ворон. Мне показалось, что я видела... нет... никого.

— Никого? Я и сам постоянно его вижу.

— Я ведь уже объясняла, в зале было очень душно, вот и все. А я целый день ничего не ела.

— Да и пыточный корсет, несомненно, не облегчал положения.

Кэт ощетибилась еще сильнее.

— Дамское нижнее белье — неподобающая тема для обсуждения.

Джокер поднял руки в знак капитуляции.

— Беру свои слова назад, миледи. Уверен, что главная причина обморока — недоедание. Вот. — Он сунул руку в висящий на поясе мешочек и вынул шоколадную конфету. — Я приберегал ее на потом и, как теперь выясняется, не для себя, а для вас.

— Ах, нет, нет. Я не могу. Я еще не совсем пришла в себя. От этого мне может стать дурно.

— Говорят, лучше сначала съесть, а потом лишиться, чем не есть совсем.

Кэтрин сдвинула брови, но на его искреннем и серьезном лице не дрогнул ни один мускул.

— Это я про случай, если вам станет дурно и шоколад выйдет назад тем же путем.

— Это ужасно.

— Понимаю. Мне следует попросить прощения! — Но вместо извинений шут протянул ей конфету. — Я настаиваю, чтобы вы подкрепились, несмотря на ужасный риск. Если вы снова лишитесь чувств, боюсь, я не удержу Ворона, и он пустит в ход это ведро.

Кэтрин замотала головой и прижала к животу ладонь.

Странно, но сейчас корсет почему-то не казался таким тугим, как раньше. Теперь, на свежем ночном воздухе, у нее внутри появилось даже пространство для пары вдохов. Места, прямо скажем, немного, но капелька шоколада, наверное, поместится...

— Возьмите, я настаиваю, — повторил шут.

— Это с пиршественного стола? — спросила Кэт, отлично зная, что нельзя пробовать непроверенную пищу. Однажды в детстве она поела каких-то незнакомых ягод и стала величиной с наперсток. Пришлось ходить так целых два дня, и повторять этот опыт она не хотела.

— Со стола самого Короля.

Кэтрин нерешительно взяла конфету и надкусила, пробормотав благодарность. Трюфель взорвался у нее на языке нежной тягучей карамелью и хрустящим шоколадом.

От удовольствия Кэт даже застонала.

А если бы сюда добавить еще морской соли — совсем чуть-чуть — о, *божественно!*

Она быстро доела конфету и провела языком по зубам в надежде, что где-то еще остался шоколад.

— Вам лучше? — спросил Джокер.

— Гораздо лучше! — Кэт заправила за ухо выбившуюся прядь. — Настолько лучше, что я могу попытаться встать. Вы мне не поможете?

Она еще не договорила, а Джокер уже стоял рядом с ней. Двигался он грациозно, как кошка.

— Прикажете проводить вас снова в бальный зал? — спросил он, помогая ей встать.

— Нет, благодарю, — Кэт отряхнула платье. — Я очень устала и хотела бы вернуться домой. Надо звать карету.

— Тогда нам сюда.

Джокер поднял с травы колпак и надел на голову. Сейчас убор выглядел на нем странно, и Кэт вдруг подумала, что именно шутовской костюм помешал ей сразу заметить, как он красив. Теперь, когда она это уже обнаружила, не видеть его красоты было невозможно.

Джокер повернул голову в сторону деревьев и тихо свистнул.

— Ворон, если не возражаешь...

Ворон, шурша ветвями, слетел ниже и, наклонив голову, посмотрел на них блестящим глазом.

— Я уж думал, ты забыл в темноте своего спутника — одинокого и всеми отвергнутого.

Джокер вопросительно покосился на него.

— Это согласие?

Птица вздохнула.

— Хорошо, я полетел.

И, шумно взлетев с ветки, он скрылся в черном небе.

Джокер предложил Кэтрин руку и она осторожно положила свою на его согнутый локоть. Удивительно, насколько легче стало дышать. Может, ей все это только показалось? Нет, не то, что Король вот-вот сделает ей предложение, а то, что это платье хочет задушить ее насмерть...

Под руку они вошли в ворота сада. Розовые кусты остались позади, теперь их окружали высокие зеленые изгороди, среди ветвей стремительными молниями мелькали светлячки.

— Полагаю, вы с пониманием отнесетесь к моей просьбе сохранить все в секрете, — заговорила Кэтрин, желая только, чтобы сердце перестало так колотиться в груди. — Для меня это происшествие было чем-то из ряда вон выходящим.

— Менее всего мне хотелось бы хоть повредить незапятнанной репутации леди. Но все же хотелось бы уточнить, какую именно часть происшествия вы желали бы оставить в тайне? — Джокер искоса поглядел на нее. — Ту часть, когда вы лишились чувств, и я героически вернул вас к жизни? Или ту, когда мы без сопровождения дуэньи совершили прогулку по саду?

И он укоризненно покачал головой и даже поцокал языком.

— А может, ту часть, когда вы признались, что видели меня во сне, и я имею все основания надеяться, что этот сон был совсем не таким скучным, как вы говорите?

— Наверное, все перечисленное, — сказала Кэт, опираясь на его руку.

Джокер погладил ее пальцы.

— Я с величайшим удовольствием готов хранить нашу общую тайну, миледи.

Вместе они перешагнули через лежащий на песке длинный хвост сторожа-грифона — тот, как всегда, спал у ворот замка. Его мирное посапывание долго еще слышалось у них за спиной.

— А теперь, раз уж у нас появились общие тайны, — начала Кэтрин, — могу я спросить, как вы это проделали? Фокус с Белым Кроликом?

— Какой фокус?

— Сами знаете, какой. Когда вытащили его за уши из берета Джека.

Джокер встревоженно заглянул Кэтрин в глаза.

— Жаль, дражайшая леди Пинкертон, что не успели мы познакомиться, как вы внезапно сошли с ума.

Кэт в свою очередь уставилась на него.

— Я? Сошла с ума?

— Только представить себе — я вытянул кролика из головного убора?! — Джокер наклонился ближе и зашептал, как заговорщик: — Это невозможно.

Кэт скрыла улыбку и постаралась придать лицу такое же хитрое выражение, как у него.

— Так бывает, господин Джокер. Иногда мне удавалось еще до завтрака поверить в шесть невозможных вещей.

Внезапно шут остановился, как вкопанный, и потрясенно посмотрел на нее.

Лукавая усмешка сползла с губ Кэтрин.

— Что случилось?

Джокер, щурясь, всматривался в нее.

Кэтрин забеспокоилась.

— Да что такое?

— Вы уверены, что вы — не та, в кого влюбился наш Король?

Не сразу, но Кэт засмеялась, искренне и раскованно. Одно дело мысль, что Король мог захотеть жениться на ней, но допустить, что он в нее влюблен — полный абсурд!

— Уверяю вас, это не так, — сказала она, продолжая улыбаться, хотя Джокера это, кажется, не убедило. — Какое это имеет отношение к вере в невозможное?

— Мне показалось, что сказанное вами подобает королеве. — И он снова предложил ей руку, на которую Кэт, поколебавшись, все же решила опереться. — А что до невозможного — так это моя профессия.

Кэтрин взглянула на профиль шута, на его угловатые черты, угольно-черные линии вокруг глаз.

— Как раз в это, — заметила она, — мне совсем не трудно поверить.

— Мне приятно, что вы так думаете, леди Пинкертон, — польщенно ответил шут.

Они добрались до мощеной дороги, ведущей от главного входа в замок, у которой дожидались хозяев десятки карет. Несколько кучеров в ливреях курили трубки поодаль. Увидев Джокера и Кэтрин, один из них крикнул:

— Эй, не знаете, что там за переполох?

— Переполох? — переспросил Джокер.

— Вот уж полчаса как из замка доносятся шум, визг да крики, — пояснил кучер. — Мы уж решили, не по дожгла ли случайно одна из свечек угол, где сложены петарды для фейерверка.

Джокер и Кэт переглянулись, но она только пожала плечами.

— Наверное, гости все не могут успокоиться после вашего представления.

К ним подкатила карета. Рядом с возницей на облучке сидел громадный черный ворон. Видимо, он полетел вперед, чтобы раздобыть для нее экипаж.

Один из лакеев, лягушонок в пудреном парике и красной, как у королевских слуг, ливрее с двумя рядами золоченых пуговиц проскакал через двор и открыл дверцу кареты.

Джокер помог Кэтрин подняться в карету и, к ее удивлению, поцеловал ей руку.

На предпоследней ступеньке она оглянулась.

— Ох, чуть не забыл! — Джокер отнял руку, сдернул с головы колпак, звякнув бубенцами, и сунул в него руку. Вытащив большой моток белого шнура, он протянул его Кэт. — Это ваше.

Кэт нерешительно взяла тесьму.

— Что за... — Она ахнула. Рука сама взлетела к спине, нащупала ткань платья, сквозь которую ощущались косточки корсета, но... тесемок не было. Спинка разошлась на ширину ее ладони.

У нее запыльхали щеки.

— Как?

Джокер, пританцовывая, отбежал от кареты, словно боясь, что Кэт его стукнет, и ей действительно захотелось это сделать. Неслыханная дерзость!

Шут снова поклонился, будто она аплодировала ему и вызывала на бис.

— Доброй ночи, леди Пинкертон. Надеюсь, по дороге домой вы будете дышать полной грудью.

Смущенная и озадаченная, Кэтрин поднялась на последнюю ступеньку и захлопнула дверцу кареты.

Кэтрин проснулась от шума — это вернулась карета родителей. На фоне отдаленного гула морских волн был ясно слышен цокот копыт по мощеной аллее. Кэт не знала, сколько времени прошло, но на улице совсем стемнело, так что она плотнее закуталась в одеяло, натянув его повыше. Ей казалось, что нос еще чувствует отдаленный аромат недавнего сна. Ей снились руки, опускавшие ее на ложе из розовых лепестков. Пальцы, нежно касавшиеся ее лица. Поцелуи, блуждавшие по ее шее.

Кэт вздохнула и подтянула колени к груди.

Медленно, постепенно, он снова появился из дымки. Встрепанные черные волосы. Янтарные глаза. Улыбка насмешливых губ и ямочки...

Кэт широко открыла глаза, кровь бросилась в лицо. Ей снился шут.

Опять!

Внизу хлопнула дверь, резкий голос матери нарушил сонную тишину ночи. Голос звучал взволнованно и огорченно, и Кэтрин сжалась в комочек. Видно, матушка раздражена тем, что Кэт покинула бал, не предупредив родителей. Или тем, что Король не смог сделать ей предложение?

Но может быть... ну, *может быть*... он все-таки сделал его другой девушке?

Окрыленная надеждой, Кэтрин отбросила одеяло и... со вздохом уставилась на темный полог вокруг кровати.

На сей раз не лимонное дерево, а розы. Цветы белые, как лебяжьи перья, а шипастые стебли обвилились вокруг столбиков балдахина. Протянув руку, Кэт хотела сорвать розу, укололась, отдернула руку и скорее, пока кровь не накапала на ночную сорочку, сунула большой палец в рот.

Не решаясь сорвать цветы, Кэт снова с головой накрылась одеялом, дожидаясь, пока сердце перестанет так отчаянно колотиться.

Что все это значит? Что пытаются сообщить ей сны?

Кэт перечислила про себя все, что знала о Джокере.

Он придворный шут, но никто не знает, откуда он явился.

Дружит с Вороном.

Невозможное — его профессия.

Он касался ее руки и разбудил в ней то, чего она никогда прежде не чувствовала. Что-то радостное, от чего хотелось летать, но в то же время вызывающее страх. То, что притягивало и пугало одновременно.

А еще, если верить снам, он очень, очень хорошо целуется...

У нее снова затрепетало все внутри, вдруг закружилась голова, и захотелось забраться поглубже под одеяло. Возможно, он появился в саду совершенно случайно, но Кэт была мастерицей пофантазировать. Постепенно она снова начала погружаться в сон о тягучих поцелуях и белых розах, нащупывая путь назад, к этой небольшой, безобидной выдумке...

Дверь спальни распахнулась.

— Кэтрин!

Кэт испуганно подскочила на кровати. Круг тусклого света заплясал по стенам.

— Что?

Ее мать пронзительно завизжала, но это был крик радости.

— О, какое счастье! Кабриолет, она здесь! Живая и здоровая!

Завывая, маркиза вихрем пронеслась по комнате и (задержавшись, чтобы поправить лампу на ночном столике) упала на кровать рядом с Кэтрин и чуть не задушила ее в объятиях. Кэтрин вздрогнула, сообразив, что матушка плачет.

— Мы так волновались!

— Из-за чего? — Кэт попыталась освободиться. — Я ушла с бала пораньше и поехала прямо домой. Не думала, что тебя это так огорчит. Я неважно себя почувствовала, вот и...

— Нет, нет, дорогая, дело совсем не в этом, просто... — Маркиза снова разразилась рыданиями. Между тем показался отец Кэт, прижимая руку к сердцу. На его лице было написано облегчение.

— Что происходит? — спросила Кэтрин, увидев в дверях Мэри-Энн. — Что стряслось?

— Мы не знали, где ты, — сквозь слезы проговорила ее мать, — а там... а там...

— Замок подвергся нападению, — мрачно сказал отец.

Кэтрин взглядела в его лицо, пытаясь понять, не шутит ли он.

— Нападению?

— Не просто нападению! — маркиза снова обняла Кэтрин. — Там был Бармаглот!

Ее глаза едва не вылезали из орбит.

— Он напал на замок, — устало объяснил отец, выглядевший совершенно измотанным. — Разбил окно и унес в когтях двух придворных прямо из бального зала. Он улетел с ними...

Кэтрин прижала руки к лицу. Для нее Бармаглот всегда был существом, живущим только в легендах и кошмарных снах, о котором рассказывали сказки у очага, чтобы пугать непослушных детей. Говорили, что это чудовище живет в непроходимых дебрях Глушобы, далеко отсюда, в Королевстве Шахмат.

Насколько было известно Кэт, в Червонное королевство Бармаглота не совали носа с незапамятных времен. О том, как много веков назад на них охотились великие рыцари, сложены легенды. Последнего Бармаглота героически сразил король легендарным Бурлатным мечом.

— Он был та-такой огромный, — заикаясь, тараторила мать, — и ужасный! А я не знала, где ты!

И она снова забилась в рыданиях.

— Все хорошо, мамочка! — Кэт крепко ее обняла, — Я всю ночь была дома.

— И, как я вижу, продолжаешь видеть сны, — заметил маркиз.

Оттолкнув Кэт, мать выпрямилась и уставилась на колючий розовый куст.

— Только не это. Снова? И о чем ты только думаешь, Кэтрин?

Кэт вздохнула.

— Простите меня. Я сама не знаю, откуда они берутся.

Откинувшись назад, мать вытерла слезы, еще блестящие в глазах.

— Ну что это такое, Кэтрин. Если уж видишь сны, так постарайся хотя бы увидеть что-нибудь полезное.

Кэт мяла одеяло руками.

— А что? Зато у нас будет свежая розовая вода, а может, я испеку розовые пирожные.

— Нет, нет, нет. Говоря о полезном, я вовсе не имею в виду то, с чем ты печешь или готовишь. Я имею в виду *полезное*. Вроде короны!

— Короны?

Маркиза толстыми пальцами прикрыла лицо.

— Эта кошмарная ночь совсем выбила меня из колеи. О, мои несчастные нервы! Сперва является этот гадкий Чеширский Кот, и как раз в тот момент, когда Король собрался сделать объявление! Потом ты бесследно исчезаешь неведомо куда, потом Бармаглот... — Она вздрогнула всем телом. — А теперь изволите видеть — розовый куст растет у меня посреди дома, как будто так и надо. Ну в самом деле, Кэтрин!

— Я не спорю, мама, но корона, по-моему, мало на что годится. Просто сидит у кого-то на голове и все, совсем никчемная штука. А, ну еще она, правда, блестит.

— Соберись, дитя. Ты что, совсем не понимаешь? Сегодня вечером Король собирался просить твоей руки и сердца!

Мэри-Энн ахнула, а Кэтрин показалось, что ее собственное притворное удивление получилось невыразительным.

— Да что вы, какая-то нелепица, — сказала она, хихикнув. — Король? Быть этого не может!

Маркиз осторожно покашлял, выразительно глядя на супругу, но она замахала на него руками.

— Да, да, все в порядке, милый, — прощепетала она. — Иди в постельку. А нам нужно пооткровенничать с глазу на глаз — то-се, дочки-матери, сам понимаешь.

Отец, кажется, был благодарен за то, что его отсылают прочь. Он наклонился, чтобы поцеловать дочь в лоб, и Кэтрин заметила темные круги у него под глазами.

— Я так рад, что с тобой ничего не случилось.

— Спокойной ночи, папочка.

Мэри-Энн присела в реверансе, прощаясь с маркизом, а потом обернулась к Кэт, восторженно улыбаясь.

— Может, я... принесу вам чаю? — спросила она. — Чтобы успокоить нервы.

— Благодарю, Мэри-Энн, — ответила маркиза. Она дождалась, пока служанка выйдет, и только тогда взяла руки Кэт в свои.

— Милое мое, чудесное, глупое дитя, — начала она, и у Кэт сразу напряглись плечи. — Это вовсе не нелепица. Король всерьез хочет, чтобы ты была его невестой. Я безумно рада, что ты дома и не пострадала, но это тебя не извиняет — нельзя отсутствовать, в такой-то момент! Где ты была?

В памяти Кэтрин пронеслись воспоминания о трюфеле с карамелью и расшнурованном корсете.

Она заморгала — сама невинность.

— Говорю же, я неважно себя почувствовала и решила, что лучше уйти и не портить праздник. Мне не хотелось мешать вам с папочкой — вам было так весело. Вот я и взяла одну из королевских карет. И все-таки я уверена, что ты ошибаешься насчет Короля.

Лицо ее матушки стало бордовым, как спелая свекла.

— Я не ошибаюсь, тупоумная ты девица! Сегодня тебя ждала помолвка.

— Но его величество никогда не оказывал мне никакого предпочтения. Ну, если не считать того, как он любит мои торты. Но даже если так, он за мной совсем не ухаживал. Не уделял времени...

— Он Король! К чему ему кого-то обхаживать? Он задает вопрос, а ты отвечаешь согласием, вот и все ухаживания. — Маркиза утомленно вздохнула. — Так все и должно было произойти. А теперь, когда ты взяла да и исчезла в самый неподходящий миг, кто знает, что произойдет с его влюбленностью? Возможно, он